

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ежеквартальный информационно-аналитический бюллетень

Проект «Защита прав человека и правозащитное образование посредством СМИ в Центральной Азии»

ВЫПУСК № 5 [март-апрель 2010 год]

Европейская комиссия

Институт по освещению
войны и мира

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Представляем Вашему вниманию пятый выпуск информационно-аналитического бюллетеня, освещающего актуальные вопросы в области прав человека в странах Центральной Азии.

За последние два месяца весь мир, включая Центральную Азию, сотрясали и природные, и общественные катаклизмы – землетрясения, наводнения, извержение вулкана, революция...

Казалось бы незыблемый режим Курманбека Бакиева в Кыргызстане – пал под натиском недовольства народных масс так же быстро, как и пять лет назад, когда Бакиев обрел власть на волне «тюльпановой революции», свергнувшей президента Акаева. Кыргызстанские события: переход власти к Временному правительству, массовые беспорядки и гибель более девяти человек в Бишкеке – стали топ-новостью глобального масштаба.

При посредничестве ОБСЕ и лидеров некоторых государств Курманбек Бакиев подписал заявление об отставке, после чего стало известно о его местонахождении в Минске, куда Бакиев вылетел из Казахстана по личному приглашению господина Лукашенко. До сих пор идут дискуссии о том, что в долгосрочной перспективе принесет Кыргызстану эта смена власти, произошедшая 7 апреля. Ведутся различные политические и геополитические споры относительно того, какую все-таки модель правления выберет на этот раз Кыргызстан и кто же возглавит государство.

Но для большинства населения, прежде всего, стоит вопрос, сможет ли новое правительство за короткий срок и при сложившихся обстоятельствах установить порядок и обеспечить законность.

Во всех этих иногда даже очень полезных спорах часто забывается главное – то, что прописано в важнейших международных документах и наших Конституциях на самых первых страницах – человек, ценность его жизни и прав. Поэтому даже освещая горячие политические события, мы исходим исключительно из профессиональных стандартов работы, помня об основных правах человека.

На фоне революции можно совершенно позабыть об образовании и здравоохранении, хотя именно эти сферы и формируют уровень культуры и обеспечивают внутреннюю безопасность страны. Поэтому очередной большой блок нашего проекта был посвящен доступу к качественному образованию.

Напомним, бюллетень издается в рамках проекта «Защита прав человека и правозащитное образование в странах Центральной Азии», который реализуется британским Институтом по освещению войны и мира (IWPR) при поддержке Европейской Комиссии.

Одной из основных целей проекта является повышение уровня информированности общественности о текущих проблемах в области защиты прав человека в центрально-азиатских странах.

На сегодняшний день проект обеспечивает диалоговую платформу для решения вопросов доступа детей к образованию в Кыргызстане, проблем растущего числа случаев суицида в Таджикистане и вопросов свободы слова в Казахстане. Другим направлением деятельности проекта является обучение представителей неправительственных организаций вопросам поддержки связей с общественностью, взаимодействию со средствами массовой информации, а также проведение тренингов для журналистов в области международных стандартов прав человека и национального законодательства.

Сегодня IWPR успешно реализует свою деятельность в Европе, Афганистане, Иране, Ираке, Сирии, Уганде, Северной Африке, Зимбабве, на Кавказе, Филиппинах и в странах Центральной Азии. В центрально-азиатском регионе IWPR успешно осуществляет свою деятельность с 1999 года, и за это время Институту удалось наладить конструктивное сотрудничество с государственным, неправительственным сектором (НПО) и медиа-структурами. IWPR одним из первых начал сотрудничать с местными журналистами, помогая им развивать связи с зарубежными коллегами. Со временем это партнерство приобрело форму тесных профессиональных взаимоотношений.

Такой подход обеспечил расширение новых контактов, постоянный обмен идеями, знаниями и навыками. Его результатом, несмотря на языковые барьеры и различия во взглядах, стало множество совместных публикаций на веб-сайте www.iwpr.net. Благодаря этой работе, IWPR сделал значительный вклад в освещение вопросов, связанных с правами человека, вопросами демократией конфликтов.

В каждом номере мы стараемся ознакомить вас с деятельностью проекта, с отдельными и системными случаями нарушения прав человека в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане.

В ВЫПУСКЕ:

03 НОВОСТИ ПРОЕКТА

10 АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

1. Нигина Бахриева: Таджикские правозащитники предпочитают диалог с властью публичным акциям по причине исторической памяти о гражданской войне
2. Бернд Рэчел: Исследование туркменского здравоохранения подобно изучению черной дыры

15 КАЗАХСТАН:

1. Африканцы в Казахстане борются за право проживания

16 КЫРГЫЗСТАН:

1. Правительство Кыргызстана борется с самозахватчиками
2. Соседние страны с опаской смотрят на Кыргызстан
3. СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ / Базовое образование Кыргызстана в рыночных условиях требует перемен

23 ТАДЖИКИСТАН:

1. СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ / После развода женщины остаются ни с чем
2. Девочки в Таджикистане пропускают школы

26 УЗБЕКИСТАН:

1. Труд детей в Узбекистане по-прежнему считается «традиционным»
2. Официальные органы отрицают проблему домашнего насилия
3. Борец против СПИДа в тюрьме за свои убеждения
4. Комментарий: Призывы Комитета ООН по правам человека исправить ситуацию в Узбекистане напоминают глас вопиющего в пустыне

32 ТУРКМЕНИСТАН:

1. Гуманизация законов должна быть равномерной
2. Комментарий: Не замечая безработных, власти нарушают их права

НОВОСТИ ПРОЕКТА

Региональный тренинг для правозащитников и журналистов по интернет-грамотности

Бишкек, Кыргызстан, 29-31 марта

Данный тренинг организован для правозащитников и журналистов из трех стран региона: Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, Представительством Института по освещению войны и мира (IWPR) в Кыргызской республике.

Основными целями тренинга стали осведомление правозащитников и журналистов как активных пользователей всемирной паутины о рисках, которые может представлять работа в Интернете, и обучение методам защиты собственных данных личного и коммерческого характера. В ходе трехдневного тренинга каждому участнику предлагалось выполнить практические задания для закрепления полученных навыков.

В качестве тренера был приглашен Вячеслав Мамедов, руководитель неправительственной организации «Демократический гражданский союз Туркменистана», зарегистрированной в Нидерландах. Вячеслав Мамедов имеет многолетний опыт проведения обучающих тренингов по данной тематике для активистов разных стран мира.

«Это всегда актуально, что ваша электронная переписка может стать доступной третьим лицам. Самое худшее, что человек может не подозревать об этом, и потому не будет применять никаких механизмов для защиты своих данных. Я надеюсь, что полученные знания по работе в Интернете помогут вам в будущем», - сказал Вячеслав Мамедов, подводя итоги мероприятия.

Участник тренинга Владислав Юрицын, журналист Интернет-газеты «Zonakz.net», отметил: «Этот тренинг значительно расширил мой кругозор в сфере работы в Интернете. Благодаря практическим занятиям я получил детальное представление о тех вещах, о которых ранее только слышал. Это однозначно будет полезно для редакции, в которой я работаю».

Представитель Таджикистана Худоназар Мамадназаров, юрист Бюро по правам человека и соблюдению законности, также подчеркнул, что на данном тренинге «открыл для себя много нового».

«Я ранее был достаточно хорошо осведомлен в IT –сфере, так как моя деятельность в общественном объединении была с этим тесно связана, но здесь я понял, что моих знаний было недостаточно. Думаю, что такие обучающие мероприятия для сотрудников крупных и начинающих общественных объединений, правозащитников и журналистов нужно проводить регулярно. Это очень важно для НПО-сектора Таджикистана», – сказал Мамадназаров.

Участники тренинга особенно оценили доступность тренинговых материалов, что позволило усвоить предлагаемый материал. «Нам было представлено достаточно понятное пошаговое руководство по выполнению заданий, потому что в течение трех дней все технические задания удалось успешно выполнить», – сказала представительница Кыргызстана, лидер коалиции «За демократию и гражданское общество» Динара Ошуракунова из Кыргызстана.

«Все было доходчиво, понятно и полезно», – добавил кыргызстанский правозащитник, руководитель общественного фонда «Голос свободы» Сардар Багишбеков.

«Я считаю, что в правозащитной среде необходимо создавать культуру грамотного использования интернет-ресурсов и следовать этому в каждодневной работе. На компьютерах правозащитников может быть информация о тех лицах, которых они защищают, и не всегда хорошо, чтобы эта информация становилась публичной», – сказал Багишбеков.

«В таких сферах, как журналистика и права человека, где активно используется информация, всегда есть риск пострадать от злоумышленников. За несколько дней мы получили большой объем сведений о том, как распознавать угрозы и сделать свою работу в Интернете как можно более безопасной. Я не пожалела, что вырвалась из загруженного рабочего графика и получила ценный опыт», – отметила участница тренинга, веб-менеджер казахстанского проекта «MoJazarplata.kz» Инесса Шлапак.

По словам участников мероприятия, рекомендации и знания, полученные на тренинге IWPR, будут полезны им при дальнейшей работе в Интернете. Представители Казахстана и Таджикистана высказались в пользу того, чтобы аналогичные тренинги были проведены и в их странах.

Региональный круглый стол «Доступ к среднему образованию в Центральной Азии: проблемы и перспективы».

Душанбе, 16-17 апреля

В работе форума, организованного Институтом по освещению войны и мира (IWPR), при поддержке Министерства образования и содействии Детского Фонда ООН (UNICEF) и Института «Открытое общество» – Фонд содействия -Таджикистану, приняли участие более 60 представителей из 4 стран региона: Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана.

В ходе мероприятия участники обсудили различные аспекты доступа к базовому среднему образованию, которое несмотря на серьезные различия в каждой из стран, имеют и общие знаменатели.

«В пяти странах региона с населением более 60 млн. много схожих проблем, в том числе и в области образования. Перед всеми странами стоит, прежде всего, одна общая задача – найти свое достойное место в мировом экономическом разделении труда, а значит, мы должны обеспечить наше население доступом к качественному образованию на уровне мировых стандартов», – сказал казахстанский депутат парламента Мурат Абенов.

Еще одной общей задачей, стоящей перед всеми странами региона (кроме Туркмении), была названа реформа системы образования и, в частности, перехода к 12-летнему образованию.

«Сегодня во многих республиках осуществляются реформы в области образования, – заявил заведующий Отделом образования и, науки Исполнительного аппарата президента

Таджикистана Хамидуллохон Факеров, – «Таджикистан тоже работает в этом направлении и уже в 2014 году намерен перейти к 12-летнему среднему образованию».

«Это новая идея совершенно иного подхода к образованию, и в этом плане мы могли бы друг другу помочь и поддержать в случае необходимости», – заявил Абенов.

Казахский депутат рассказал, что его страна еще в 2001 году заявила о своем намерении перейти к 12-летнему образованию, однако к практическому переходу к этой системе пока не перешла: «В нашей стране к этому вопросу переходят постепенно и последовательно, с тем чтобы подгото-

вить все структуры образования к этой реформе и осуществить ее максимально эффективно», – подчеркнул он.

«Проблем перехода к 12-летнему образованию достаточно много – и прежде всего это финансовые, – сказала Ирина Каримова, Президент

академии образования Таджикистана. Однако, по ее словам, Министерство образования уже просчитало все необходимые расходы. – Нами был также изучен опыт других стран и был выработан свой подход. У каждой страны свой путь в осуществлении реформ».

В ходе круглого стола было отмечено, что страны находятся на разных стадиях осуществления реформ в данной области, но в каждой существуют свои преграды перед доступом к образованию. Было отмечено, что в каждой из стран региона определенное количество детей остаются вне школы. Так, например, в Таджикистане согласно официальным данным, количество детей, не охваченных школой, составляет 2,5 % от общего числа школьников, в Казахстане и Узбекистане – 0,2 % от общего числа детей школьного возраста, а в Кыргызстане – более 80 тыс.

Особую группу риска во всех перечисленных странах составляют дети с ограниченными возможностями, охват образованием которых не превышает третьей части.

Другими факторами, ограничивающими доступ к образованию, по мнению участников круглого стола, являются такие проблемы как низкий уровень жизни, бедность, коррупция, миграция и различные формы детского труда.

Еще одной общей проблемой в области образования для стран региона был назван низкий охват детей дошкольным образованием. Например, в Таджикистане, по словам Назархудо Дастамбуева, директора образовательных программ Института «Открытое общество» - Фонд содействия Таджикистану. Ситуация в этой сфере «просто катастрофическая»:

«Только 7 процентов детей имеют доступ к дошкольному образованию, и это не может не сказываться на уровне среднего образования», - считает он.

Участники из Казахстана отметили, что эта проблема имеет место и в их стране, где охват составляет всего 5%.

В Кыргызстане помимо вышеперечисленных проблем, препятствующих образованию в школах, в последнее время тревожным фактором становится безопасность детей в школе.

«Для многих учеников школа уже перестала быть безопасным и надежным местом получения образования», рассказала участница из Кыргызстана Наталья Воробьева, менеджер проекта сети некоммерческих организаций по защите прав и продвижению интересов детей. «Причиной тому является школьный рэкет, который за последние несколько лет получил повсеместное распростра-

нение». По ее словам, с этой проблемой школьники по всей стране сталкиваются ежедневно. Участились также случаи, когда подобные вымогательства оканчиваются летальным исходом.

По мнению Воробьевой, Министерствами образования и внутренних дел принимаются меры по предотвращению подобных случаев, однако их недостаточно.

«В Узбекистане, согласно официальной статистике, очень высокий уровень грамотности. Однако проблемы существуют в сфере доступа к качественному образованию, а также широкому использованию детского труда», - рассказал участник из этой страны, независимый медиа-эксперт Сергей Наумов.

Одной из специфических проблем в Таджикистане является снижение доступа к образованию девочек. По словам руководителя ОО «Женщины с высшим образованием» Гульджахон Бобосадыковой, количество девочек, оканчивающих среднюю школу в Таджикистане, сокращается по нескольким причинам. Среди которых снижение уровня жизни, рост расходов на учебу и традиционные представления о роли и месте женщины в обществе.

По итогам работы круглого стола участники разработали универсальные рекомендации, направленные на улучшение ситуации с образованием во всех странах Центральной Азии. Ожидается, что участники круглого стола будут распространять эти рекомендации среди своих партнеров и коллег, а также сами будут руководствоваться ими в работе.

Рекомендации участников регионального круглого стола «Доступ к среднему образованию в Центральной Азии: проблемы и перспективы»

Участники круглого стола, представители государственных органов, неправительственных и международных организаций, средств массовой информации Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана,

Обсудив вопросы соответствия законодательства о среднем образовании реалиям сегодняшнего дня;

Выразив обеспокоенность качеством базового образования во всех странах ЦА;

Изучив негативные социально-экономические факторы в области доступа к получению базового образования;

Признавая важность роли средств массовой информации в освещении вопросов образования и содействии в их решении

Приняли следующие рекомендации:

ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОРГАНАМ КАЗАХСТАНА, КЫРГЫЗСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА, ТУРКМЕНИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА:

- Рассмотреть возможность создания межпарламентской сети стран ЦА с целью защиты основных прав и возможностей детей, в том числе и права на образование;
- В каждой стране провести анализ исполнения международных и региональных обязательств, вытекающих из договоров, касающихся доступа к общему образованию, ратифицированных странами ЦА, с целью выявления пробелов в их имплементации и выработки целенаправленных мер для обеспечения должного их исполнения;
- В каждой стране провести анализ законодательства в сфере общего образования, и привести его в соответствие с международными стандартами;
- Привлекать НПО в мониторинг реализации законодательства в сфере общего образования;
- Увеличивать бюджетное финансирование системы общего образования;
- Привлекать дополнительные внебюджетные инвестиции для финансирования системы общего образования;
- Изучить вопрос целесообразности и эффективности перехода на подушевое финансирование системы общего образования и разработать четкие механизмы реализации подушевого финансирования в случае принятия данной схемы;

- Внедрять систему инклюзивного образования, в том числе и в отдаленных горных и степных регионах;
- Обеспечить права детей-мигрантов, в том числе на доступ к качественному общему образованию посредством принятия соответствующих нормативно-правовых актов и разработки механизмов интеграции детей-мигрантов в систему общеобразовательных учебных заведений;
- Создавать условия для детей с ограниченными возможностями для реализации их права на образования посредством технического оснащения зданий, сооружений и средств коммуникации; устранения архитектурных барьеров; а также разработки методических пособий по их обучению;
- Ратифицировать Конвенцию о правах инвалидов, обязывающую государства создавать все необходимые условия для людей с ограниченными возможностями для реализации своих прав, в том числе и права на образование;
- Провести критический пересмотр программ школьного образования с целью устранения любой дискриминационной практики в системе общего образования, включая ограниченный доступ девочек к образованию; разработать стратегию по преодолению высокого уровня «Отсева среди девочек» из школ и преодолению сложившихся стереотипов в отношении роли и обязанностей женщин и мужчин;
- Активизировать усилия по подготовке учителей для преподавания на языках меньшинств и увеличить число учебников на языках меньшинств. В целях подготовки детей к обучению создать подготовительные классы или расширить сеть дошкольных учреждений в тех регионах, где язык обучения в школе не является родным языком;
- Больше внимания уделять развитию неформального образования и досуга для детей;
- Проводить анализ контекстных факторов, влияющих на качество общего образования;
- Продолжать принимать меры по искоренению детского труда, особенно его наихудших форм посредством усовершенствования системы образования, через разработку механизма выявления детей с пробелами в образовании и создание условий для их обучения (прием детей без свидетельства о рождении, формы 63, прописки, открытия классов выравнивания); усиления ответственности за нарушение семейного и трудового законодательства в части использования труда несовершеннолетних;
- Провести анализ финансового и материального положения учителей с целью пересмотра механизмов стимулирования качественной работы учителей, повышения роли и престижа профессии учителя, а также привлечения молодых кадров;
- Расширить доступ к дошкольному образованию и принять меры по поощрению дошкольного образования, особенно среди малоимущих семей, повышая осведомленность родителей о важности развития и образования ребенка в раннем детстве; поощрять в этой связи неформальные общинные механизмы; и разработать план всестороннего развития в раннем детском возрасте;
- Ратифицировать Дополнительный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, который предоставляет физическим лицам возможность защиты их экономических, социальных и культурных прав на международном уровне;
- Национальным институтам по правам человека активно проводить мониторинг доступа к образованию; включать данную информацию в ежегодные доклады, а также информировать общественность, в том числе и посредством СМИ;
- Более активно взаимодействовать со СМИ для обеспечения объективного освещения вопросов образования в СМИ посредством развития/активизации прессцентров министерств и ведомств, а также ответственных лиц по связям с общественностью на местном уровне и регулярного предоставления информации в виде брифингов, пресс-конференций, пресс-релизов;
- Рассмотреть возможность развития «образовательной» журналистики при министерствах образования стран ЦА.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ:

- Взаимодействовать с государственными органами и международными организациями в проведении анализа исполнения международных и региональных обязательств, вытекающих из договоров, касающихся доступа к основному образованию, ратифицированных странами ЦА, с целью выявления пробелов в их имплементации и выработки целенаправленных мер для обеспечения должного их исполнения;
- Участвовать в проведении анализа законодательства в сфере основного образования, с целью приведения его в соответствие с международными стандартами;
- Проводить мониторинг принятия и реализации законодательства в сфере общего образования;
- Содействовать государственным органам в привлечении дополнительных внебюджетных инвестиций для финансирования системы основного образования;
- Содействовать государственным органам по внедрению инклюзивного образования;
- Совместно с государственными органами участвовать в разработке стратегии по преодолению высокого уровня «отсева девочек» из школ и преодолению сложившихся стереотипов в отношении роли и обязанностей женщин и мужчин;
- Продолжать развивать систему неформальных учреждений образования совместно с государственными структурами;
- Оказывать содействие государственным органам в искоренении детского труда, особенно его наихудших форм посредством реализации проектов по мониторингу детского труда; информирования соответствующих органов об использовании детского труда; выявления детей с пробелами в образовании и оказания им содействия по возвращению в образовательные учреждения;
- Информировать широкую общественность о проблемах в сфере общего образования и ситуации с защитой прав детей в целом посредством универсальных

периодических обзоров и альтернативных отчетов в комитеты ООН по правам человека;

- Проведение пропагандистских компаний и акций для привлечения внимания общественности к теме общего образования;
- Проводить обучающие тренинги, семинары и другие мероприятия для журналистов по теме образования с тем, чтобы они могли более качественно и объективно освещать проблемы а также достижения системы образования стран ЦА;
- Проводить регулярный мониторинг образовательных учреждений на предмет соблюдения права на доступ к качественному общему образованию, активно вовлекая СМИ.

МЕЖДУНАРОДНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ:

- Рассмотреть возможность поддержки создания и функционирования межпарламентской сети стран ЦА в области прав детей;
- Оказать поддержку странам ЦА в проведении анализа исполнения международных и региональных обязательств, вытекающих из договоров, касающихся доступа к общему образованию, ратифицированных странами ЦА, с целью выявления пробелов в их имплементации и выработки целенаправленных мер для обеспечения должного их исполнения;
- Оказать поддержку странам ЦА в проведении анализа законодательства в сфере общего образования с целью приведения его в соответствие с международными стандартами;
- Поощрять государственные органы привлекать дополнительные внебюджетные инвестиции для финансирования системы общего образования;
- Стимулировать и поддерживать усилия стран ЦА по внедрению инклюзивного образования;
- Поощрять разработку стратегии по преодолению высокого уровня, отсева девочек из школ и преодоле-

нию сложившихся стереотипов в отношении роли и обязанностей женщин и мужчин;

- Поддерживать усилия государственных органов и НПО стран ЦА по искоренению детского труда;
- Адресно распределять средства, выделяемые для образовательных проектов в целях улучшения системы образования;
- Стимулировать участие НПО и СМИ в мониторинге доступа к качественному общему образованию, в том числе и через реализацию проектов и предоставление альтернативных отчетов;
- Содействовать налаживанию взаимодействия между государственными органами, НПО и СМИ стран ЦА в вопросах совместного мониторинга и освещения вопросов общего образования.

СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И МЕДИА-ЭКСПЕРТАМ:

- Системно подходить к вопросам раскрытия темы прав детей в СМИ, включая и права на доступ к общему образованию;
- Поощрять развитие специализированной («образовательной») журналистики;
- Активно освещать вопросы доступа к образованию детей с ограниченными возможностями, детей-мигрантов, а также образования девочек;
- Реализовывать постоянную и всестороннюю информационную кампанию по поддержке местных общин, включая родителей и общественные организации, с целью поощрения их более активного участия в жизни школы;
- Создавать специальные рубрики в СМИ по теме общего образования;
- Соблюдать правила журналистской этики в освещении вопросов касающихся прав детей, в том числе и доступа детей к образованию.

Открытая лекция «Соотношения прав и свобод человека в исламе с универсальными правами и свободами человека в современном мире»

Ош, 17 марта

В Ошском государственном университете состоялась открытая лекция доктора политологии и исламских исследований Кадыра Маликова на тему: «Соотношения прав и свобод человека в исламе с универсальными правами и свободами человека в современном мире».

Господин Маликов считает, что из всех мировых религий ислам наиболее близко соприкасается с государством и правом. В самой природе ислама были изначально заложены основы построения общества. Это, в свою очередь, привело к построению исламского государства, где в центре стояло мусульманское право.

Хотя и отдельной кодификации норм прав человека, как таковой, в мусульманском праве не существует, тем не менее права человека составляют основную часть исламской политической модели. Нормы прав человека содержатся в источниках мусульманского права, таких как Коран, Сунны, единогласном мнении (иджма) наиболее авторитетных правоведов и также умозаключений по аналогии (кийас).

Одна из слушательниц лекции, студентка Айгуль, призналась, что лекция была очень полезна для нее, так как ислам играет большую роль в её жизни. «Многие аспекты мусульманского права у нас используются лишь частично», – призналась студентка.

Исламбек Азиз уулу, еще один слушатель лекции, говорит, что уже давно знает про исламские правовые нормы. Открытием для него стало то, что создана Исламская декларация о правах человека, основанная на Шариате, Коране и Суннах. «В нынешних условиях популяризации ислама появляется необходимость в подготовке квалифицированных кадров по исламу. Именно поэтому эта лекция была интересно», – заключил Исламбек.

Стоит отметить, что это уже четвертая по счету открытая лекция, организованная IWPR в Кыргызстане в рамках проекта «Защита прав человека и правозащитное образование посредством СМИ в Центральной

Азии», финансируемого Европейским Союзом. Предыдущие лекции проходили при участии таких экспертов, как Ишенбай Абдуразаков, Кадыр Маликов и депутат ЖК Гульжамал Султаналиевой.

Кадыр Маликов имеет степень доктора политологии и исламских исследований (Мадридский университет, департамент арабских, исламских и центральноазиатских исследований, Испания) и является выпускником факультета Исламского права Иорданского национального университета (Иорданское Хашимитское Королевство), где он получил степень магистра. Также Маликов прошел спецкурс по конфликтологии Центра по безопасности и международным связям университета Complutense de Madrid (Испания) и является автором многих научных и аналитических статей по вопросам ислама.

Парламентские слушания по доступу детей к базовому образованию

Бишкек, 16 марта

В Бишкеке прошли парламентские слушания «О реализации и соблюдении законодательства Кыргызской Республики в области прав детей на образование». Организатором мероприятия выступил Жогорку Кенеш Кыргызской Республики при содействии Европейского Союза и ПРООН, ЮНИСЕФ, Верховного Комиссариата ООН по правам человека, Института по освещению войны и мира (IWPR) и ОБСЕ.

Обсуждение было посвящено вопросу обеспечения конституционного права детей на базовое образование.

В июне прошлого года для изучения реализации и соблюдения законодательства КР в области прав детей на образование была создана Временная депутатская комиссия, куда вошли депутаты Парламента Г. Султаналиева, А. Байбураева, И. Джунусов, Ж. Каниметов, И. Карамушкина, Ж. Рахимидинова.

На парламентских слушаниях была представлена справка по итогам четырехмесячной работы комиссии и проверки положения дел в 31 школе республики. Парламентским слушаниям предшествовала также серия круглых столов по данной тематике, организованных IWPR в регионах Кыргызстана.

Как отметила депутат парламента КР, член фракции Коммунистов и председатель временной Комиссии по изучению реализации и соблюдению законодательства КР в области прав детей на образование Гульжамал Султаналиева, парламентарии ставят целью сохранить конституционные права ребенка на бесплатное образование.

По статистике международных организаций в 2009 году более 40 тысяч детей в Кыргызстане не посещали школу. Эксперты называют целый ряд причин такого положения, но прежде всего указывают на недостаток государственного финансирования и недостаточное количество учебных заведений в республике.

Временная депутатская комиссия приводит в представленной на парламентских слушаниях справке следующие данные: доля бюджетных расходов КР на сферу образования в 2010 году составила 7 191 миллионов сомов или 3 процента ВВП. В то же время официальные власти отмечают, что за последние три года финансирование образования возросло в три раза.

Что касается количества учебных заведений, то по информации Управления дошкольного, школьного и внешкольного образования Министерства образования и науки КР, только в столице не хватает двадцати школ в связи с тем, что за последние годы население Бишкека увеличилось за счет внутренней миграции.

Среди причин, по которым тысячи детей в Кыргызстане не охвачены системой образования, представители Временной депутатской комиссии называют ряд факторов, нарушающих принцип общедоступности и свободного выбора учебного заведения. Среди них – введение некоторыми школами обязательного ношения школьной формы; практикуемые многими школами, особенно Бишкека и Оша, незаконные «вступительные» экзамены и проведение тестирования детей при поступлении в школу. Другой барьер на пути к доступному образованию – требование о наличии прописки при приеме в школу, что противоречит статье 3 Закона КР «Об образовании».

Временная комиссия подтвердила факты взимания вступительных взносов (от 2500 сомов до 600 долларов), наиболее часто встречающихся в школах Бишкека, Оша и Чуйской области. Запрашиваемая оплата образовательных услуг общеобразовательным учреждением является

одной из причин, по которой дети с микроучастка не могут посещать школу. Таким образом, родители вынуждены искать школу, услуги которой они могут оплатить.

Обсуждение на парламентских слушаниях коснулось предоставления платных образовательных услуг в учебных учреждениях, вопроса создания при школах Попечительских советов, а также реализации в стране пилотного эксперимента по апробации подушевой модели финансирования.

Участники парламентских слушаний – представители широкой общественности: органов исполнительной и законодательной власти, образовательных структур и неправительственных организаций высказали свое мнение по вышеуказанным вопросам.

Ряд представителей учебных заведений указали на то, что в нынешних условиях школы вынуждены привлекать дополнительные спонсорские средства. Но, как отметила на парламентских слушаниях вице-премьер-министр КР Тажикан Калимбетова, создание при школах общественных фондов, которые аккумулируют средства, поступающие от родителей, противоречит законодательству, так как школы являются госучреждениями.

В свою очередь присутствовавший на парламентских слушаниях министр образования и науки КР Абдылда Мусаев заявил: «Отдельные факты нарушений в школах имеют место. Но обобщать их и представлять как системное явление, характерное для всей системы образования, не стоит. Мы должны разобраться, перерегистрировать уставы школ с тем, чтобы при приеме ребенка в школу не ограничивалось его право на доступ к образованию».

Мусаев также добавил: «На дворе рынок, социалистический подход – это история, и если вводить полный запрет на коммерческие образовательные услуги, то можно будет поставить крест на системе образования».

Как отметила в завершении встречи Гульжамал Султаналиева, все заинтересованные стороны могут представить Временной депутатской комиссии свои рекомендации по улучшению ситуации с доступом детей к базовому образованию. Вскоре рекомендации парламентских слушаний будут вынесены на рассмотрение палаты Жогорку Кенеша.

Тренинги «Правозащитная журналистика»

Душанбе, 12-13 марта
Худжанд, 15-16 марта

Особенностям освещения правозащитной тематики в СМИ были обучены более 35 начинающих и опытных журналистов на семинарах, организованных IWPR.

По словам тренера - директора казахстанского Международного центра журналистики MediaNet Вячеслава Абрамова, правозащитную журналистику сегодня условно делят на два вида: информирование – по классическим международным стандартам и, так называемая «санитарная журналистика», когда материалы о явных и безусловных нарушениях прав человека могут быть освещены без мнения другой стороны (государственных органов).

В ходе семинаров журналисты также ознакомились с некоторыми механизмами защиты прав человека. Проанализировали распространенные ошибки при освещении этих тем в прессе. Изучили тонкости проведения правозащитных интервью, а также журналистского расследования.

«Тренинг для нас оказался очень полезным, - сказала участница из Хорога Хосият Худоербекова. – Эти темы очень интересны нашему обществу и нашим журналистам. Когда я возвращаюсь домой, то коллеги просят рассказать о том, что нового я узнала. Приходится проводить потом свои мини-тренинги для них».

По мнению участника семинара, Фарруха Ахророва, тренинг был действительно очень полезным:

«Журналисты думают, что они все знают, но это не так. Здорово, что этот проект смотрит на журналистику с юридической точки зрения», - сказал он.

Фокус-группа экспертов по вопросам доступа к информации

Алматы, 26 марта

В Алматы состоялась фокус-группа экспертов по вопросам доступа к информации, организованная ПРООН, IWPR, Медийным Альянсом Казахстана и Посольством Великобритании.

Цель мероприятия – обсуждение проблемных вопросов, возникающих в процессе обращения граждан в государственные органы с запросами о получении информации и выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства.

В мероприятии приняли участие депутат Парламента РК Жакип Асанов, представители прокуратуры и других государственных органов, журналисты, лидеры и эксперты НПО, международных организаций.

По мнению депутата Асанова, действенным инструментом жесткого контроля над государственными органами мог бы стать Закон «О доступе к информации», который планируется принять в 2011 году. По словам Жакипа Асанова, существует и возможность принять данный закон уже в этом году.

Отмечая важность проводимого мероприятия для укрепления общественного диалога, эксперты из числа НПО среди насущных проблем в обеспечении доступа к информации выделяют некачественность информации и низкий профессиональный уровень сотрудников, работающих с населением.

Дискуссия вокруг планируемого законопроекта была очень активной. Большинство экспертов сошлись во мнении, что важно прописать в документе однозначные формулировки, не позволяющие госорганам неадекватно применять существующие в законодательстве ограничения – тайна следствия, коммерческая, государственная тайна и др.

Особенно активно обсуждались так называемые «закрытые служебные инструкции», а также платное предоставление информации, в том числе нормативно-правовых актов.

Основные рекомендации по совершенствованию законодательства в области доступа к информации заключаются в необходимости закрепления в законе о доступе к информации перечня ограничений, понятийного аппарата, исключающего возможность расширительного толкования, четкого механизма, регламентирующего порядок предоставления информации и обжалования некачественной информации, других действий/бездействий государственных органов и общественно значимых организаций.

Законопроект «О доступе к информации» запланирован к рассмотрению Парламентом Казахстана в этом году.

Тренинг для журналистов по освещению правозащитных тем

Алматы, 2-3 марта

В тренинг-зале Представительства IWPR в Казахстане состоялся тренинг для журналистов по освещению правозащитных тем.

Тренерами выступили известный казахстанский журналист Андрей Гришин, редактор мониторинга Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности, а также директор Представительства IWPR в Казахстане Ольга Досыбиева.

В рамках тренинга участники, молодые журналисты, а также студенты факультетов журналистики, узнали об основных проблемах в сфере прав человека в Казахстане, о целях и задачах правозащитной журналистики, отличиях ее от остальных направлений в данной профессии, преимуществах, недостатках, опасностях и преградах, а также особом статусе правозащитных журналистов.

Значительная часть тренинга была посвящена видам правозащитной журналистики – например, журналистскому расследованию – жанру, фактически «вымирающему», но традиционно относящемуся к «высшему пилотажу» профессии.

Тренеры также уделили большое внимание правовым аспектам – международным и местным нормам законодательства, их соответствию и несоответствию одного другому.

Тщательно было разобрано, какие нормы казахстанского законодательства «работают» за и против журналистов. Как известно, к последним относятся давние проблемы казах-

станского права – уголовное наказание за клевету, неограниченные сроки исковой давности и размеров исков.

Так как традиционно правозащитная журналистика востребована в ограниченном кругу СМИ, по мнению Андрея Гришина, одного из наиболее активных фрилансеров, важно было познакомить участников тренинга с возможностями для дальнейшей работы в этой сфере. Поэтому участники во время тренинга составили список приоритетных печатных и онлайн-СМИ, которые заинтересованы в правозащитных материалах.

Учитывая, что значительная часть СМИ, которая освещает тему прав человека – не является казахстанскими, в рамках тренинга были разобраны способы подачи информации для местных и зарубежных СМИ, которые, как известно, иногда существенно отличаются.

Участники также узнали об источниках информации и экспертных комментариев среди НПО, государственных структур, коллег, о способах поиска тем и интересных для читателей ракурсах, которые могут придать любой теме новые «краски» и привлечь внимание.

Тренеры также сделали акцент на таких важных аспектах правозащитной журналистики как профессиональная этика и безопасность. Так, как известно, существуют специальные инструкции для журналистов, освещающих различные акции, митинги, судебные процессы и т.д.

Кроме того, при освещении правозащитных тем, важно не допустить ухудшения ситуации для пострадавшей стороны, эскалации конфликта – эти и другие важные составляющие журналистики прав человека стали предметом для отдельных сессий в рамках тренинга.

Для некоторых участников тема была достаточно нова, многие профессиональные «секреты» стали для них открытием. Во время тренинга участники уже разработали план действия по своим будущим статьям.

АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

НИГИНА БАХРИЕВА:

Таджикские правозащитники предпочитают диалог с властью публичным акциям по причине исторической памяти о гражданской войне

Известная таджикская правозащитница рассказывает о проблемах и особенностях правозащитного движения в Таджикистане.

IWPR: Практически во всех странах СНГ правозащитники с подачи официальных СМИ или властей имеют скорее эпатажный образ, нежели имидж серьезных оппонентов или критиков власти. Как вы считаете, почему в странах СНГ так не любят правозащитников?

Нигина Бахриева: В зависимости от того, о какой стране бывшего Союза

идёт речь, можно по разному подходить к этому вопросу. Я бы не сказала, что есть одинаковое отношение к правозащитникам, и вообще к правозащитному движению в странах СНГ. Это также зависит от того, как вообще появилась в этих странах правозащита. Например, в России, первыми правозащитниками были бывшие политики. У них другой подход в правозащитной деятельности. Они пыта-

лись скорее на политическом уровне продвигать основные вопросы, связанные с демократией, правами человека.

В связи с этим, большую политическую активность можно было наблюдать, например, в России в первые годы создания правозащитного движения. Сейчас деятельность правозащитников в России стала более ограниченной, но они достаточно профессиональные. Я бы не сказала, что они не являются серьёзными оппонентами. Они делают очень серьёзные заявления, исследования и оценки в области прав человека. Но вопрос именно в том, как правительству и государство принимает всё это.

О правозащитном движении в Украине и Грузии очень сложно говорить: оно достаточно активно, но, на мой взгляд, в этих странах тоже есть серьёзные проблемы.

В Кыргызстане правозащитники тяготеют к публичности. Поэтому здесь очень развиты различные акции: митинги, пикеты, общественные дискуссии. Существует очень много групп при органах государственной власти, где правозащитники пытаются отстаивать свою точку зрения.

В какой-то момент все это стало причиной того, что в Кыргызстане стали меньше использовать правовых подходов к защите прав человека, таких как: защита в суде, использование механизмов международного характера.

Но в последнее время ситуация стала меняться. У меня, например, много коллег, которые используют стратегические судебные тяжбы, пытаются делать так, чтобы законы в этой стране начали работать. Кстати, именно неработающие законы - общая проблема для всех наших стран.

У нас в Таджикистане правозащита более лояльная, даже спокойная. Это оправдано на данном этапе. В Таджикистане можно говорить о нескольких этапах развития неправительственного сектора.

Первая волна началась также, как в остальных странах бывшего Союза. После приобретения независимости, с ростом политической активности в стране, начали появляться общественные организации, которые имели организационно-правовые формы в виде общественно-политических движений.

Для общественных объединений того

времени была характерна политизация их деятельности. Общественные объединения, принимая сторону того или иного политического движения в стране, активно вовлекались в политическую борьбу за власть, приобретали все более антагонистический характер.

В результате, многие из них к концу 1992 года прекратили свое существование, а деятельность некоторых из них была приостановлена или запрещена (как несоответствующая уставной деятельности общественного объединения).

Второй этап развития НПО пришелся на гражданскую войну 1992-1997гг. Неправительственные организации этого периода создавались с помощью международных гуманитарных организаций. Основными видами деятельности этих организаций было - распространение гуманитарной помощи населению, борьба с острыми инфекционными заболеваниями (тиф, малярия), возвращение таджикских беженцев и вынужденных переселенцев в страну, поиск пропавших без вести в период гражданской войны.

В тот промежуток времени это было оправдано, так как в стране, находящейся в полном упадке, единственной проблемой была задача выжить. Говорить о каких-то правах человека было достаточно сложно.

Рост активности правозащитного движения в стране наблюдается в период с 2000 года. Первые правозащитные организации, в основном, занимались оказанием юридической помощи и образовательными программами. Чаще всего в стране стали открываться и функционировать Юридические приемные и консультации по правовым вопросам для малоимущих граждан.

Параллельно начали распространяться организации по правам женщин, по правам ребенка. Характерной чертой нашей правозащиты и неправительственного движения в Таджикистане стало то, что многие из этих организаций создавались под эгидой международных организаций. Они не были достаточно самостоятельными. Когда есть постоянное финансирование, когда за тебя думают и пишут проекты, а ты выполняешь функцию исполнителя, то очень сложно задумываться о какой-то стратегии на будущее, о повышении потенциала.

В этом и заключается одна из причин слабости движения правозащиты и вообще неправительственного сек-

тора в стране. Но в последствии, начали появляться новые организации, и уровень профессионализма стал повышаться. Было очень много проектов и программ, которые были направлены на укрепление потенциала НПО: как писать проекты, как искать деньги на их осуществление, но никто особо не учил, тому как всё-таки использовать этот опыт, чтобы системно менять ситуацию.

Сейчас правозащита в Таджикистане начинает выходить на уровень аналитики. Здесь существуют серьёзные проблемы, так как практически нет потенциала. Можно по пальцам пересчитать людей, которых привлекают в качестве экспертов в области гендера, СМИ, прав человека.

Если вы наблюдаете за мероприятиями, которые проходят у нас, то наверняка заметили, что в них одни и те же люди. Но так практически во всех странах. Группа экспертов очень малочисленна. С одной стороны, хорошо, что есть какой-то определённый круг аналитиков, но очень важно, чтобы этот круг расширялся, потому что проблем намного больше, чем специалистов.

Донорские и международные организации всё больше говорят о том, что надо разрабатывать инициативы по укреплению аналитического потенциала гражданского общества. Мы не можем до бесконечности приглашать международных консультантов, которые для нас будут делать аналитические документы. Мы должны этому сами научиться: это и дешевле и эффективней, так как нашему эксперту близка сама ситуация.

В защиту наших властей можно сказать, то, что они готовы сотрудничать с гражданским обществом, всегда приходят на мероприятия, рабочие встречи, круглые столы, обсуждают проблемы. Но не всегда это приводит к определенным результатам. Часто бывает, что рабочая встреча закончилась, и на этом закончилось всё остальное. С одной стороны, мы сами не доработали какие-то моменты, а с другой - не всегда есть политическая воля принимать решения. В нашей стране мы работаем по принципу «вода камень точит». Всё равно со временем мы приходим к изменениям.

IWPR: Выполняют ли сегодня свои функции правозащитники Таджикистана? В чем особенности этого движения в нашей стране?

Бахриева: У нас много профессионалов в правозащите. Например, если

мы говорим о правах человека, то это – юристы. Хотя правозащитник не обязательно должен быть юристом, он просто должен хорошо разбираться в вопросах прав человека.

У нашего правозащитного движения есть очень свежая так называемая историческая память – это гражданская война. Поэтому мы очень осторожно относимся к каким-то публичным акциям, публичным обращениям. Всё то, что может привести к волнениям, не принимается нашей правозащитой. Мы используем альтернативный путь – это диалог. Попытка переговоров – более длительный процесс, но более эффективный.

Здесь нам не хватает упорства в отстаивании своей точки зрения. Мы неплохо начинаем какую-то деятельность: если помните, были попытки обсуждений по закону о доступе к информации, по законопроекту об общественных организациях, о религиозных организациях.

Начало всегда очень хорошее. Делают анализы, обсуждают. А потом, когда встаёт вопрос «А что дальше? Какой закон будет в результате?», то нет вот этих дальнейших действий. Необходимо начать контролировать этот процесс в парламенте, встречаться с депутатами, пытаться убедить их в том, что есть определённые проблемы в законопроекте, и нужно с этим что-то делать. Но этого нет, мы не идем до конца.

IWPR: С чем это связано?

Бахриева: Мне кажется, что многие не хотят иметь проблем с властью. Есть какие-то совместные проекты, работа с правительством, и они не хотят чтоб «закручивали гайки». С другой стороны, мне кажется, что не хватает аргументов, достаточных знаний для того, чтобы доказать свою правоту.

У нас мало организаций, которые занимаются продвижением законодательства с точки зрения адвокации, т.е. самого процесса. Не только круглый стол необходимо провести, так как круглый стол – это ещё не продвижение. Надо строить работу, начиная с оценки, анализа, выработки рекомендаций, проведения различных встреч и заканчивая инициированием парламентских слушаний. А ведь у нас никогда такие слушания не проводились.

Помню один круглый стол, где кто-то из депутатов сказал: «Вы всё время жалуется на то, что плохие законы,

на то, что нет гармонизации законодательства. Вы лучше скажите что делать? Мы несколько раз пытались законопроекты печатать и не получили никаких комментариев с вашей стороны». Эти слова показывают, что у нас нет системного подхода к решению проблем. В основном представляются сервисные услуги.

В некоторых странах, наоборот, организации начинают отходить от сервиса вообще, работая на уровне системных изменений. Такой подход делает их уязвимыми. Они перестают понимать в какой-то момент саму проблему, так как нет контакта с людьми.

Необходимы проекты, где сочетаются сервис и системные действия. Должны быть юридические приёмы. В то же время эти приёмы должны уметь анализировать информацию и переходить на уровень переговоров и других видов действий в защиту общественных интересов, когда есть проблемы в законодательстве или в правоприменительной практике.

IWPR: По оценке Freedom House, Таджикистан относится к категории несвободных стран, хотя еще недавно у нее был статус «частично свободная». Насколько по вашему мнению может усугубиться ситуация?

Бахриева: Дать однозначную оценку по этому вопросу очень сложно. Но мне не нравится ситуация с точки зрения соблюдения прав человека в стране. Видна тенденция более открытого диалога с международными организациями и гражданским обществом. И это следует признать.

Больше обсуждаются законопроекты, и есть совместные инициативы. Проводятся реформы в той или иной области. Есть хорошие тенденции к тому, что ситуация улучшается. Много инициатив исходит от органов государственной власти, направленных на улучшение кадрового вопроса и на попытки реформирования самой системы. Это всё ведёт к тому, что хоть и небольшими шагами, но мы всё равно достигаем каких-то улучшений в области прав человека.

С другой стороны, есть действия, которые можно расценивать по принципу «шаг вперёд, два назад». Например, то, что происходит в сфере средств массовой информации. В данном случае судебная власть просто объявила войну «четвёртой власти». Это очень плохая тенденция.

Не происходит реформирования в системе законодательства в области

СМИ. Все те новые документы, которые принимаются, так или иначе ухудшают ситуацию в области свободы выражения мнений. Это может привести к тому, что сегодня начинают подавать иски против СМИ, а завтра то же самое может случиться и с другими, например, общественными организациями за их доклады или альтернативные отчеты, где есть критика.

А это может привести к искам об оскорблении чести и достоинства. И в свою очередь в результате никто не захочет больше ничего говорить. Не будет так называемой конструктивной критики.

Если оценивать ситуацию в других странах, то анализы кейсов по свободе выражения мнений представителей ОБСЕ показали, что Таджикистан и Казахстан находятся на одном уровне. Слава богу, что нам ещё далеко в этом плане до Узбекистана. По сути, эта тенденция вызывает две очень серьезные проблемы: ограничение свободы выражения мнений и определённый кризис судебной власти.

Всё это может привести к тому, что шаткое доверие к судебной власти, которое еще существует, может просто исчезнуть. Суд окончательно утратит образ защитника прав человека. А это абсолютный кризис государственной системы в целом.

IWPR: Как можно улучшить ситуацию, по вашему мнению?

Бахриева: До недавнего времени мы говорили о том, что необходимы законы, которые соответствуют международным стандартам. Сейчас много таких законов. Однако нужно работать в двух направлениях. Необходимо пытаться подавать в суды и требовать защиты своих интересов в судебных органах.

У нас есть очень хороший механизм конституционного суда, к которому практически никто не обращается. Можно через него пытаться менять законодательство, защищать свои интересы в случаях, когда парламент принимает неконституционные законы, а суды их применяют. Правовая система очень обширна, и без ошибок не обходится.

Бездействие приводит к тому, что ничего не меняется. Оно обусловлено либо невежеством, иногда страхом. Но необходимо, чтобы само гражданское общество и население активизировались.

IWPR: Такое ощущение, что в стремлении найти диалог с властями пра-

возащитники предпочитают не замечать реальных проблем и нарушений в нашей стране. Кажется, что даже в соседнем Узбекистане – стране более закрытой, правозащитники занимают более активную позицию. Что вы об этом думаете?

Бахриева: Отчасти я с этим согласна. Но я бы не сказала, что в Узбекистане правозащитники более активны. Их меньше, но их голос, вернее даже крик отчаяния, более громкий.

Я отдаю должное тем, кто в Узбекистане еще пытается что-то сделать. В таких условиях - это всегда хождение по острию ножа. Очень многие правозащитники находятся за пределами страны, и это очень плохо.

У нас пытаются поднимать и обсуждать проблемы, но нужно быть более критичными по некоторым вопросам. Я не думаю, что это приведёт к тому, что власти сильно «обидятся». Они ведь тоже понимают, что нужно что-то менять.

Думаю, власти пойдут на диалог в случае, если эта критика будет обоснованной. Например, о судебной системе необходимо говорить конкретно: что именно плохо и что конкретно нужно делать. И то же самое в любой другой сфере.

Очень часто на каких-то мероприятиях органы государственной власти говорят: «Ну, конечно, вам легко. Вы всё время критикуете. Вы думаете, мы не знаем, что существуют проблемы? Вы нам лучше скажите, что делать исходя из того бюджета, которым мы располагаем, исходя из тех кадров, которые у нас есть? И мы будем думать вместе, что конкретно можно сделать в этом направлении».

IWPR: Среди основных правозащитных проблем Таджикистана, отмеченных в докладе HRW, - недоступность правосудия, процессуальные нарушения и недозволенное обращение с задержанными, избыточный контроль правительства над неправительственными и религиозными организациями, политическими партиями, СМИ, проблемы с доступом к продовольствию и пр. По вашему мнению, на сегодня какая проблема является наиболее острой и почему?

Бахриева: На самом деле, куда ни ткни; всюду есть острые проблемы. Но в этом году я бы на первое место вынесла проблемы свободы выражения мнений, доступа к информации, справедливости судебных процессов. Вот это тройка лидеров за пер-

вые два месяца 2010 года. Всё ещё достаточно актуальными являются проблемы выселения.

IWPR: Распространение акций Рогунской ГЭС приобретает массовый характер. Несмотря на гарантии со стороны президента и требования о том, что приобретение акций должно быть добровольным, во многих организациях используется административный рычаг. Почему по этому поводу молчат правозащитники?

Бахриева: Потому, что они очень часто молчат, когда дело носит политический характер. Это немного странно. В правовом государстве есть такой принцип – принцип доверия к властям. Президент – это высокий уровень власти. Если он публично заявляет о том, что он гарантирует, что эти взносы должны быть добровольными, то мы должны верить в его слова.

Если другие органы власти на уровне учебных заведений и других госорганов заставляют покупать акции Рогунской ГЭС, а люди отказываются по каким-либо причинам, и поэтому у них возникают определённые проблемы, то они могут пойти в тот же самый суд. Необходимо начать об этом говорить и посмотреть, что из этого выйдет.

Нельзя заставлять. Не купил акцию: не поставили тебе зачёт в университете, не купил акцию – пиши заявление об уходе и т.д. Это ведь нарушение закона. Есть призыв покупать акции Рогуну – призыв помочь и есть гражданская воля и ответственность каждого человека, который по мере своих возможностей, по уровню своего патриотизма будет или не будет покупать эти акции.

Понятное дело, что эти акции направлены на то, чтобы попытаться изменить ситуацию в стране с энергетическим кризисом. Но здесь существует определённая степень недоверия. Сколько акций было куплено? Куда делись деньги, как они распределяются? Если будет налажена система, и она будет прозрачной, может быть, очень многие, кто не хотел до этого покупать акции, сами захотят это сделать.

IWPR: Нигина, вы не могли бы прояснить причины депортации вас из Бишкека в декабре прошлого года?

Бахриева: Причины не выяснились, но я могу сказать, что я предполагаю, и что думаю по этому поводу.

Дело в том, что я являюсь экспертом в области системы защиты прав человека ООН. Начиная с 2004 года я работаю в программе, которая проводится Молодёжной правозащитной группой в Кыргызстане - «Курсы для практикующих адвокатов по имплементации Международного пакта о гражданских политических правах и факультативного протокола к нему».

В рамках программы эксперты, среди которых члены комитета ООН по правам человека, авторитетные судьи и адвокаты из различных стран Европы и СНГ, - учат адвокатов, как правильно составлять индивидуальные жалобы в комитет ООН по правам человека.

Например, если Таджикистан является членом Факультативного протокола, и первые такие жалобы были поданы в 2000 году, то в Кыргызстане до 2004 года ни одной жалобы не было, хотя он раньше присоединился к Пакту и Факультативному протоколу.

В августе 2009 года меня пригласили на этот семинар. Там были адвокаты, которые участвовали в процессе по Ноокатским событиям. Напомню, что в ноябре 2008 года в Ноокате запретили праздновать праздник Рамазан, и все это вылилось в акции протеста и судебные преследования.

Адвокаты, которые защищали людей, которые были осуждены, говорили о различных нарушениях прав человека, такие как пытки, несправедливый судебный процесс и прочие нарушения. Потом мне присылали первые жалобы и просили, чтоб я дала оценку, насколько они соответствуют процедурам обращения в комитет ООН.

В декабре 2009 года я по приглашению офиса кыргызского омбудсмена поехала в Бишкек на семинар по мониторингу закрытых учреждений, но была депортирована без права посещать эту страну 10 лет. Когда я спросила о причинах, мне ответили, что у меня были проблемы с правоохранительными органами Кыргызстана в сентябре.

Но это неправда. У меня никогда не было проблем ни с таможенными службами, ни с пограничными службами, ни с документами. Сейчас я подготовила доверенность на представление моих интересов и отправила своим коллегам из Независимой правозащитной группы в Бишкеке. Я намерена обжаловать это решение о депортации.

**Зарина Эргашева,
Душанбе**

БЕРНД РЭЧЕЛ: Исследование туркменского здравоохранения подобно изучению черной дыры

12 апреля международная медицинская гуманитарная организация «Врачи без границ» («Médecins Sans Frontières» - MSF), которая прекратила свою деятельность в стране еще в декабре, опубликовала доклад «Туркменистан: непрозрачная система здравоохранения». Доклад предают гласности некоторые ключевые вопросы в здравоохранительной области. Туркменские власти негативно отреагировали на этот доклад. Государственное информационное агентство ТДХ сообщило, что на последнем заседании кабинета министров, где обсуждался этот вопрос, было сказано, что современный Туркменистан обладает «уникальной и хорошо налаженной системой здравоохранения, которая за годы независимости на практике доказала свою доступность и эффективность».

Своим мнением по вопросам туркменского здравоохранения в интервью NBCA поделился Бернд Речел, преподаватель в сфере общественного здравоохранения в Лондонской школе гигиены и тропической медицины, исследователь Европейской обсерватории по системам и политике здравоохранения, а также соавтор работы «Здравоохранение в Туркменистане после Ниязова». Господин Речел имеет степени бакалавра социологии, магистра в сфере расовых и этнических исследований и доктора в области российских и восточно-европейских исследований.

Как вы оцениваете систему туркменского здравоохранения?

Рэчел: Туркменская система здравоохранения сталкивается с теми же трудностями, которые существуют и в других центральноазиатских странах, - высокий уровень инфекционных заболеваний, таких как туберкулез, а также высокая детская и женская смертность, - но ситуация в Туркменистане усугубляется отсутствием прозрачности. Правительство часто следует политике отрицания и подтасовки данных. Одна из главных проблем заключается в том, что достоверные данные по системе здравоохранения и здоровью населения напрочь отсутствуют. Правительственные статистические данные либо не публикуются, либо являются недостоверными. Это относится, например, к материнской смертности. Заявленные данные по материнской смертности в Туркменистане были ниже этих же данных для Нидерландов что является просто невозможным для такой страны, как Туркме-

нистан. Кроме этого, туркменское правительство утверждает, что за последние годы в стране не было зарегистрировано ни одного случая ВИЧ, - что абсолютно невероятно. В тех случаях, когда правительственные статистические данные либо отсутствуют, либо недостоверны, в своих странах мы можем использовать исследования для получения более четкой картины о существующей ситуации. Однако проведение независимых исследований в Туркменистане в данный момент невозможно. Попытка исследования здоровья населения в Туркменистане может сравниться с изучением черной дыры.

NBCA: В докладе MSF обращается внимание на низкое качество медицинского ухода и невысокую квалификацию медперсонала по различным причинам. Это слабая подготовка медицинских работников, страх перед режимом, который создает обстановку тревоги и неуверенности среди врачей из-за частой перестановки кадров.

Каков, по вашим сведениям, уровень медицинского обслуживания в Туркменистане?

Рэчел: По моим сведениям, низкое качество медицинского обслуживания, и в особенности нехватка квалифицированного медицинского персонала представляют собой некоторые из основных проблем здравоохранения в стране. Правительство Ниязова нанесло серьезный урон образовательному сектору, включая образование медицинского персонала, и хотя на данный момент пе-

риод обучения был снова продлен, качество образования остается под большим вопросом. Так же, как и в других республиках бывшего Советского Союза, неофициальная оплата медицинских услуг стала распространенным явлением. Она является дополнением к низкой заработной плате медицинских работников, но ведет к подчас ненужному лечению и, в конечном итоге, низкому качеству медицинских услуг.

NBCA: Как сокрытие фактов инфекционных заболеваний, сифилиса и ВИЧ, о чем упоминается в докладе MSF, влияет на здоровье общества? Насколько это может быть оправдано?

Рэчел: Сокрытие фактов инфекционных заболеваний не может быть оправдано ни в какой степени. Оно наносит только ущерб, лишает пациентов возможности получить необходимое лечение и повышает риски для населения. Это можно представить на примере вируса атипичной пневмонии, который долгое время скрывался китайскими властями, после чего произошло несколько масштабных вспышек этого заболевания по всему миру.

NBCA: Насколько, на ваш взгляд, туркменские власти готовы обеспечить прозрачность в здравоохранении? Что для этого надо сделать?

Рэчел: Мы требовали проведения независимой оценки ситуации в здравоохранении страны, а также самой системы здравоохранения, но все эти усилия были блокированы. Мирская общественность должна принимать больше мер по требованиям обеспечения прозрачности в системе здравоохранения. При отсутствии основных данных по системе здравоохранения данной страны ее улучшение будет невозможным.

Инга Сикорская,
главный редактор IWPR
по Туркменистану и Узбекистану

Африканцы в Казахстане борются за право проживания

Граждане других стран, долгое время проживающие на территории Казахстана, говорят, что сталкиваются с произволом и неприкрытым нежеланием видеть их в стране со стороны властей.

Гражданин Мали Идрисса Траоре находится в центре правового конфликта с миграционной службой Казахстана, которую он обвиняет в незаконном наложении штрафа на него и угрозах депортации в случае, если он не выплатит штраф.

Решение Траоре бросить вызов миграционной полиции осенью прошлого года, вместо того, чтобы сдаться, было настолько необычным, что об этом случае в декабре написала известная газета «Время».

На первый взгляд кажется, что речь идет о недавнем иммигранте в Казахстан, но на самом деле Траоре проживает там уже в течение 20 лет после того, как изучал ветеринарию в тогда еще советском Казахстане.

Он один из около 200 африканцев, оставшихся в обретшем независимость Казахстане после окончания обучения в университетах. Несмотря на их, что они уже долгое время живут в этой стране, многие из них жалуются на сложности, которые не позволяют им достичь четкого легального статуса.

В 2004 году Траоре получил вид на жительство, однако когда в августе прошлого года он подал документы на продление, ему сказали, что он должен заплатить штраф в размере 100 долларов, наложенный на него еще в 2007 за то, что проживал и работал в Астане, а не в Алматы по месту прописки.

Траоре утверждает, что заплатил штраф вовремя, а чиновники в свою очередь – что у них нет данных об уплате штрафа.

Главное, однако, заключается в том, что африканец не должен был платить этот штраф, так как иностранные граждане, имеющие вид на жительство, могут беспрепятственно перемещаться по территории страны.

Не имея на руках разрешения о продлении вида на жительство, Траоре не может работать. Паспорта у него тоже нет, так как он сдал его вместе с документами на продление вида на жительство.

Траоре подал в суд на Управление миграционной полиции за наложение на него незаконного штрафа и лишение его возможности зарабатывать на жизнь; он также обратился в прокуратуру с просьбой рассмотреть его заявление об угрозах в его адрес со стороны чиновника из управления миграционной полиции, в которых последний пригрозил, что «найдет причину отобрать вид на жительство».

«Для меня это теперь дело принципа. Я ничего не буду платить», - сказал Траоре IWPR, добавив, что не может продолжать находиться в ситуации, когда «нет свободы передвижения, выбора места работы в рамках закона».

Виктория Тюленева, юрист Казахстанского международного бюро по правам человека, ведет дело Траоре. По ее словам, он имеет полное право настаивать на том, что не обязан выплачивать штраф.

Тюленева говорит, что миграционная служба в данной ситуации относится к Траоре как к иностранному гражданину, находящемуся в стране по визе – в случае чего его передвижения были бы ограничены – тогда как на самом деле он является постоянным жителем страны и на этом основании обладает той же свободой передвижения, как и граждане Казахстана, и не должен получать регистрацию в местной миграционной полиции.

Чиновник, занимающийся делом Траоре, Айкельды Асанов, заместитель начальника управления миграционной полиции Алматы, утверждает, что все иностранцы должны получать регистрацию. «Они должны соблюдать законы неукоснительно», - сказал

он. – Если их это не устраивает, (...) пускай отказываются [от прав на проживание]».

Асанов не рассматривал вопрос законности наложенного штрафа, и последующие обращения в миграционную полицию по этому вопросу не дали ответа.

Другие африканцы, живущие в Казахстане, говорят, что сталкиваются с такими же трудностями, пытаясь получить право остаться в стране.

Ламин Бангура, гражданин Сьерра-Леоне, председатель Союза африканцев Казахстана, высказывается в поддержку Траоре. Он говорит, что и сам в прошлом сталкивался с похожими сложностями при получении вида на жительство.

«Все это продолжается уже много лет», - сказал он. – Как будто в миграционной полиции специально придумывают, как нас мучить, когда приходит время продлевать вид на жительство. Когда им одну бумагу принесешь, они требуют другую, хотя по закону она не требуется».

Бангура говорит, что африканцев дискриминируют, утверждая, что «[представителям] других национальностей просто продлевают, без мучений. А мы же как изгой».

В результате, говорит он, африканцы чувствуют себя в стране чужими, и что чиновники хотели бы, чтобы они покинули страну.

«Куда мы поедим? – говорит Бангура. – У нас жены, дети, работа».

Франсис из Ганы говорит, что большую роль играет коррупция – полиция готова проигнорировать нарушения за взятку.

«Иногда мне кажется, что они специально создали такую систему, чтобы

доить африканцев как коров, - говорит Франсис. – Получив деньги, они закрывают глаза и ждут момента для следующей дойки».

По мнению Тюленевой, дело здесь не в предвзятом отношении к африканцам – с таким отношением сталкиваются все иммигранты.

«Такого рода ситуация не единична, а отражает взаимоотношения миграционной полиции и мигрантов, и характерна для большинства этносов, которые представляют мигрантское сообщество», - сказала она.

По данным ЮНЕСКО, в Казахстане находятся от 300 тысяч до одного миллиона мигрантов, большинство из которых – сезонные рабочие из соседних Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана.

Денис Дживага, координатор проекта Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев «Правовая помощь беженцам», говорит, что миграционная полиция считает мигрантов легкой добычей. Не в последнюю очередь это происходит потому, что сами мигранты зачастую не знают о своих законных правах.

«На сегодняшний день миграционная полиция видит в мигрантах прежде всего, источник дохода, - говорит он. – Это позволяет интерпретировать закон так, как тебе это выгодно».

После того, как дело Траоре получило огласку, миграционная полиция сообщила, что его заявление на продление вида на жительство может быть утверждено, но на данный момент дело, по их словам, застопорилось по техническим причинам.

Траоре говорит, что ему хотелось бы видеть другое отношение иммиграционных властей, хотя люди в его ситуации и так не требуют слишком многого.

«Пусть если не как у себя в стране, но хотя бы легально работать; легально жить здесь, не боясь, что завтра кто-то им скажет, что они нелегально работают, - сказал он. – В любой момент им могут сказать: а ты что здесь делаешь?».

Андрей Гришин,
Алматы

КЫРГЫЗСТАН

Правительство Кыргызстана борется с самозахватчиками*

В то время как самовольный захват земель приводит к насилию, новое правительство страны призывает обеспечить правопорядок.

Новое правительство в Кыргызстане находится под давлением: от него требуют навести правопорядок в ситуации с жестокой борьбой за землю вокруг столицы – города Бишкека.

Хотя захваты земли носят самовольный, стихийный и массовый характер и вызваны реальными проблемами людей, ряд аналитиков подозревают, что в некоторой степени эти действия координируются, возможно, непримиримыми оппонентами новой власти.

И.о. министра внутренних дел Кыргызстана заявил, что пять человек погибли и 40 получили ранения 19 апреля, когда несколько сотен человек захватили землю около села Маевки к северу от Бишкека.

8 апреля

** На момент выхода бюллетеня в печать произошли изменения, которые мы посчитали важными отразить. А именно:*

В результате беспорядков в Маевке были задержаны 120 человек, семь из них в качестве подозреваемых. Их будут привлекать к уголовной ответственности”, - заявил 6 мая на пресс-конференции председатель Государственной службы национальной безопасности КР Кенешбек Душебаев. После погромов Маевка находится под усиленной охраной. Народные дружинники вместе с местными жителями охраняют от самозахвата близлежащие пахотные земли. На месте дежурят усиленные наряды милиции.

В другом месте, вблизи жилмассива “Кара-Жыгач”, более 30 самозахватчиков земель было доставлено в УВД Чуйской области и Аламудунский РОВД. В настоящее время районный суд принимает решение о привлечении злоумышленников по статье 105 «Самовольное занятие земель» Кодекса об административной ответственности КР.

Тем временем, на 7 мая в столице Кыргызстана насчитывается около 5 тысяч самозахватчиков. И они по-прежнему требуют от Временного правительства выделения им участков по 4 сотки каждому в черте города. Об этом на пресс-конференции сообщили их представители. Самозахватчики уверены, что им все-таки выделят участки.

Сейчас как самозахватчики, так и жители Бишкека и прилегающих сел, земли которых подверглись незаконному захвату, ожидают решений от новых властей, так как по сей день эта проблема еще остается нерешенной.

Такие захваты земли, в основном, осуществляются мигрантами, переехавшими в поисках лучшей жизни поближе к столице. Они периодически повторяются с тех пор, как Кыргызстан стал независимым государством, и учащаются во время политической нестабильности. Последняя волна самозахватов была вызвана массовыми протестами 6-7 апреля, когда президент Курманбек Бакиев лишился своего поста, а оппозиция сформировала новое временное правительство.

Тысячи людей размечали для себя участки земли вокруг столицы, несмотря на предупреждения нового правительства о том, что для предотвращения незаконных действий будут приняты меры.

В Маевке захватчики разметили участки колышками, а затем толпой двинулись в сторону центра Бишкека с намерением потребовать признания их прав на землю.

Исполняющий обязанности мэра Бишкека Иса Омуркулов, вышедший к захватчикам, сказал впоследствии, что пообещал им лишь то, что муниципальные власти обсудят земельный вопрос. «В черте города свободных участков нет. А захватывать чужую собственность, чужие сельхозугодия мы не позволим», - сказал он IWPR.

Когда претендующие на землю захватчики вернулись в Маевку, там начались жестокие столкновения между ними и местными жителями, встревоженными вторжением захватчиков на их землю.

Село, расположенное в нескольких километрах от Бишкека, населяют этнические кыргызы, русские и туркменские, высланные Сталиным во время Второй мировой войны в Среднюю Азию с Кавказа.

Репортер IWPR, приехавшая в Маевку после этих событий, увидела дым, висящий над селом, сожженные дома и хозяйственные постройки, сожженные машины.

Одна жительница села, женщина-турчанка, чей дом подвергся нападению, говорит, что захватчики объясняли свои действия тем, что участвовали в протестах и свергли Бакиева, и теперь им нужно вознаграждение.

Она вспоминает слова захватчиков, обращенные к новой администрации: «Мы дали вам Белый дом, вы дайте нам земли!»

Как и эта женщина, другие жители села, опрошенные IWPR, до сих пор находятся в шоке. Несмотря на то, что захватчики были этническими кыргызами, жители считают, что на них нападали без разбора, независимо от этнической принадлежности.

«Мне не страшно жить среди кыргызов, - говорит русская женщина из Маевки - Мы столько лет мирно живем бок о бок. Но теперь мне страшно жить в Кыргызстане».

В тот же вечер для подавления насилия в село была направлена милиция; туда также отправился штаб народного ополчения «Патриот», в результате чего было задержано более сотни человек. По их словам, сейчас порядок восстановлен.

На следующий день, 20 апреля произошла еще одна вспышка самозахватов к югу от столицы, но на этот раз все прошло мирно. Группа людей, включая семьи с детьми и стариков, разметили участки земли бечевкой и установили палатки, чтобы подчеркнуть свое намерение остаться. Никакого применения силы отмечено не было.

Мэр Омуркулов сказал IWPR, что земля, которую требовали захватчики, относилась к зеленой зоне, на которой власти планировали построить доступное многоэтажное жилье.

ВЛАСТИ ОБЪЯВЛЯЮТ О РЕШИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Через день после событий в Маевке временный премьер-министр Роза Отунбаева распространила постановление о том, что у правоохранительных органов есть приказ обеспечивать общественную безопасность, защищать жизни и предотвращать нападения на жилье и частную собственность, а также на гражданские и военные объекты. Она предупредила, что правоохранительные органы проинструктированы в таких случаях открывать огонь на поражение.

Пресс-секретарь МВД Рахматилло Ахмедов заявил, что в данное время проводятся следственные мероприятия по установлению причин и обстоятельств произошедшего, а также устанавливаются зачинщики и другие участники массовых беспорядков.

После свержения Бакиева правоохранительные органы Кыргызстана колебались, не зная, к какой силе прибегнуть, особенно после назначения нового министра внутренних дел.

Намекая на это, мэр Бишкека сказал, что «правоохранительные органы, деморализованные во время апрельских событий, теперь снова могут защищать общественность».

Жители села Ленинское, недалеко от Маевки, не были уверены в том, что милиция придет к ним на помощь в случае захвата их земель и организовали отряды самообороны, заметив незнакомых людей на своей земле.

«Мы не позволим им забрать нашу землю», - сказала жительница села, пожелавшая не называть своего имени. Она добавила, что Ленинское рассчитывает на свои силы, так как в Маевку милиция приехала слишком поздно.

СКРЫТОЕ ВЛИЯНИЕ В ДЕЙСТВИИ?

В городе Жалалабаде, на юге страны, сторонники Бакиева, захватившие в начале недели здание местной администрации и телевизионную станцию, снова схлестнулись с милицией 21 апреля. Существуют мнения, что к захватам земли народ тайно подстрекал и даже координировал его действия оппоненты нового правительства.

«Действия тех, кто захватывает землю, умело координируются, - сказал Омуркулов. - Если бы это было не так, простые люди, приехавшие из регионов, не знали бы, где в Бишкеке находятся участки земли».

Один из волонтеров штаба «Патриот», приехавшего в Маевку на помощь милиции, поделился мнением, что хотя требования захватчиков дать им землю основываются на реальных трудностях, похоже, что их действиями кто-то руководит.

«Самозахватчики - это в основном молодые люди от 15 до 25 лет. Нам удалось поговорить с ними, многие из них приезжие, работающие в городе. У них действительно нет домов,

они либо снимают жилье, либо живут у родственников, - сказал Эрлан Джусупов, дружинник. – Некоторые молодые люди говорят, что не пошли бы на эти крайние меры, не будь эти акции организованы».

«Самозахватом управляют определенные люди, их здесь кормят, пьют алкоголем: мы видели, что многие из них находятся в нетрезвом состоянии. Я считаю, что это организованное столкновение с тем, чтобы спровоцировать ответную силовую реакцию, и сказать, что новые власти не контролируют ситуацию и они также могут пролить кровь [как и обвиняемая в этом администрация Бакиева]. А этническая тема – это дополнительная капля, чтобы лишний раз обратить внимание на себя».

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА – ОПАСНАЯ ИГРА

Татьяна Выговская, конфликтолог, генеральный директор Общественного Фонда «Эгалите», сказала, что конфликты вокруг земельных вопросов на самом деле касаются вопросов экономических, несмотря на «этническую окраску», которую они приобрели.

«Этнических конфликтов, как таковых, не бывает, - говорит она. – Конфликт всегда фокусируется вокруг ценности, которой не хватает. Основная мотивация тех, кто пошел громить дома – “У вас все есть, а у нас ничего нет. Произошла революция, теперь мы все заберем”. Этничность играет здесь только ту роль, что существуют социальные убеждения, что у того или иного этноса материальных ценностей больше, чем у другого».

Новостные заголовки об этнических разногласиях являются настоящей проблемой для нового правительства, так как оно стремится заработать очки как дома, так и за границей.

На следующий день после столкновений в Маевке президент России Дмитрий Медведев – который в общем поддерживает новых лидеров Кыргызстана – дал указание министру обороны защитить граждан России и их собственность в этом центральноазиатском государстве. Из его заявления было неясно, какие именно действия могут предпринять российские военные, имеющие военно-воздушную базу в Кыргызстане.

Хотя турки-месхитинцы не происходят родом из Турции, эта страна

также выразила свои опасения по поводу их безопасности. Посол Нежат Акчал посетил Маевку, а его посольство собирается оказать гуманитарную помощь этому селу.

ТЕОРИЯ ХАОСА

Несмотря на предположения о тайной политической поддержке захватов земли, местные аналитики сошлись во мнении, что принципиальные вопросы действительно существуют.

Молодой человек из числа тех, кто захватывал земли в Маевке, сказал IWPR, что их действия были оправданы.

«Это же элементарно просто - выдать людям участки, и конфликт был бы исчерпан. Мы не понимаем, почему нам не могут выдать участки», - сказал он.

Он утверждает, что подобные самозахваты земли, последовавшие за «тюльпановой революцией» в марте 2005 года, которая привела Бакиева к власти, оказались успешными для тех, кто их совершил. «Если те участки, которые захватили после 2005 года, были впоследствии узаконены, то значит и наши участки потом все равно узаконят», - сказал он.

Лидер партии Коммунистов Исхак Масалиев, который был назначен спикером парламента, сказал, что история нелегальных захватов земли берет начало в 90-х годах, незадолго до того, как страна получила независимость.

«Это стало плохой традицией - каждый раз после смены власти захватывать земли», - сказал он. Помимо правовых вопросов, Масалиев говорит о росте числа поселений захватчиков, что является плохим признаком, так как города должны расти вверх, а не вширь.

«Наспех построенные жилмассивы усугубляют проблему бедности, криминализации – ведь условия, в которых живут люди в новостройках, ужасные: нет нормальных дорог, коммуникаций, водопровода», - поясняет он.

Гульнура Абазбекова из института Омбудсмана КР согласна с мнением, что выделение большего количества участков земли захватчикам – неправильный ход.

«Это варварство, самозахватчики захватили чужую собственность, чужие сельхозугодия, и это должно жестко пресекаться, - говорит она. – В основном, захватчиками являются молодые люди, у которых нет стабильного дохода. Даже если власти выдают им участки, они не смогут там ничего построить – у них нет для этого средств. Там нет электричества, дорог, а город не может взять на себя такую нагрузку».

Выговская тоже считает, что новые власти должны принять жесткие меры для подавления таких действий. «Толпа должна знать, что на них есть управа», - добавила она.

Она прогнозирует беспорядки подобного толка в ближайшие месяцы.

«Любая насильственная смена власти влечет за собой беззаконие, насилие и агрессию», - сказала Выговская.

«Так как сейчас ситуация в принципе не слишком контролируема со стороны властей, то такие всплески конфликтов, подобные тому, что было в Маевке, могут продолжаться еще очень долго. В течение полугода они будут наблюдаться постоянно, то в одном месте, то в другом. Но, конечно, основным объектом захвата земельных наделов становится Бишкек. Это связано с убеждением населения, что в Бишкеке все живут богато, и сам факт проживания в столице улучшает жизнь», - сказала она.

**Асыл Осмоналиева,
Бишкек**

*8 апреля.
Магазины
вывозят товар,
спасаясь от
мародеров*

Соседние страны с опаской смотрят на Кыргызстан

Комментаторы, опрошенные NBCA в центральноазиатском регионе, не думают, что кыргызские события спровоцируют цепную реакцию в соседних государствах, однако опасения дестабилизации обстановки все же есть.

После того, как 6-7 апреля в Кыргызстане на волне массовых акций протеста людей, недовольных тяжелым социально-экономическим положением и коррумпированным правящим режимом, кыргызский президент Курманбек Бакиев был смещен со своей должности, власть перешла в руки к Временному правительству, сформированному из представителей оппозиции.

В результате беспорядков в Бишкеке, кыргызской столице, 84 человека погибли и около 1600 получили ранения.

Некоторое время опальный президент находился в родном селе Тейит Джалал-Абадской области, недалеко от границы с соседним Узбекистаном, где вместе со своими братьями, бывшими высокопоставленными чиновниками кыргызского правительства, пытался организовать акции протеста в свою поддержку, называя Временное правительство нелегитимным.

16 апреля ситуация двоевластия в стране была разрешена при посредничестве трех государств - России, США и Казахстана, являющегося сейчас председателем ОБСЕ.

Для России и США Кыргызстан имеет стратегическое значение, так как на его территории расположены военные базы обоих государств, а у Казахстана, давнего соседа, традиционно очень тесные связи с Кыргызстаном во многих сферах.

В этот же день специальным авиарейсом казахстанских военно-воздушных сил Бакиев был вывезен из мятежного Кыргызстана в Тараз, областной центр на западе Казахстана, который граничит с северной Таласской областью Кыргызстана. Сообщается, что, находясь в соседней стране, Бакиев написал прошение об отставке. Позже поступили сообще-

ния о том, что самолет с Бакиевым покинул Казахстан.

На момент написания этой статьи достоверно не известно, где находится кыргызский экс-президент.

Казахстанская и таджикская пресса и телевидение широко освещали события в соседнем Кыргызстане, а узбекские и туркменские СМИ обошли эту тему молчанием. Не было также и официальной реакции властей соседних стран, лишь казахстанский лидер Нурсултан Назарбаев призвал «объединить все силы, чтобы восстановить вертикаль власти и защитить простых людей от произвола», а МИД Узбекистана заявил, что все происходящее является «внутренним делом Кыргызстана».

Узбекские обозреватели NBCA считают, что события, подобные кыргызским, на территории их страны вряд ли возможны, поскольку протестные настроения в обществе не так велики, однако есть определенные опасения, как у властей, так и у простых людей.

Фархат Толипов, кандидат политических наук, доцент Университета мировой экономики и дипломатии из Ташкента говорит, что, несмотря на молчание местных СМИ, события в Кыргызстане - «тема № 1 на уровне общественного обсуждения».

«Нам приходится даже отдельные лекции давать в вузах, чтобы объяснить студентам, что же на самом деле произошло в Кыргызстане, - рассказывает Толипов, - но мне, как преподавателю, ни разу не был поставлен вопрос: «Может ли что-то подобное произойти у нас?» То есть, даже мысль такая недопустима, чтобы народ пошел против своего президента. Из общественных обсуждений ясно, что наша страна никоим образом не соотносит себя с Кыргызстаном, для большинства он как далекое государство».

Однако другие узбекские комментаторы указывают на тревогу, царящую среди людей, многие из которых имеют родственников в приграничных районах на кыргызской территории. Ежедневно на нескольких участках контрольно-пропускных пунктов в районе узбекско-кыргызской границы проходили сотни людей - на работу, в гости. После событий в Кыргызстане граница закрыта.

«У нас заметно усилились меры предосторожности; люди, к примеру, охраняющие прокуратуру, теперь наде-

вают бронежилеты, и парковка возле многих государственных учреждений теперь запрещена», - отмечает Саиджахон Зайнабитдинов, председатель правозащитного общества «Апелляция» из Андижана, областного центра на востоке страны, который имеет непосредственную границу с Кыргызстаном.

Но в то же время Зайнабитдинов не уверен, что аналогичные массовые протесты и смещение властей по кыргызскому сценарию возможны в Узбекистане, поскольку спецслужбы бдительно следят за гражданами.

«У нас все под тотальным контролем», - говорит собеседник из Андижана. - Уже началась ежегодная весенняя кампания по выяснению ситуации в стране, когда граждан по одному вызывают в прокуратуру и допрашивают».

В соседний Туркменистан, где значительно ограничен доступ в Интернет, а большинство российских и центральноазиатских веб-ресурсов заблокировано, информация о событиях в Кыргызстане все же просочилась.

«На улицах Ашхабада усилен полицейский патруль, вечером у людей даже проверяют документы», - отмечает обозреватель NBCA.

Таджигуль Бегмедова, туркменский диссидент и правозащитница, базирующаяся в Болгарии, говорит, что у власти есть «очень серьезные опасения», ведь многие молодые туркменистанцы обучаются в вузах соседнего Кыргызстана и становятся свидетелями происходящего в этой центральноазиатской стране.

«Туркменские власти спать спокойно не могут, их потревожили», - комментирует Бегмедова. - Но само население находится под гипнозом и не может адекватно реагировать на происходящее в Кыргызстане, ведь народ лишен любой возможности высказывать свое мнение, и поэтому нет никаких оснований, что кыргызская ситуация может произойти в Туркменистане».

Рашид Абдулло, таджикский политолог из Душанбе, опасается, что общественно-политические события в Кыргызстане негативно отразятся на экономических отношениях стран Центральной Азии.

«Начинается поливной сезон, нужно будет думать о поливе посевных. Кыргызстан, как и Таджикистан, нахо-

дится в верховьях главных центральноазиатских рек, и обычно мы тесно сотрудничали в принятии решений отпуска воды. Как теперь будет, пока не известно. Понятно, что когда такое происходит - не до полива».

Ярослав Разумов, эксперт из Казахстана, скептически заметил, что события в Кыргызстане были «закономерны и неизбежны», однако на Казахстан и другие страны региона никакого воздействия они иметь не будут.

«Кыргызстан не настолько велик и силен, чтобы представлять для кого-то опасность, он не имеет сильного влияния в регионе. Ему сейчас как никогда нужна именно поддержка соседних государств», - заключил он.

(Данная статья была подготовлена в рамках проекта «Новостная сводка Центральной Азии», финансируемого фондом National Endowment for Democracy.)

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

Базовое образование Кыргызстана в рыночных условиях требует перемен

Основной причиной снижения уровня образования эксперты считают недостаточное финансирование со стороны государства и отсутствие кардинальных реформ в системе за последние 20 лет.

Очередные парламентские слушания в Кыргызстане в марте были посвящены доступу детей к образованию. Специально созданная депутатская комиссия изучала в течение полугода реализацию и соблюдение законодательства Кыргызстана в области прав детей на образование в 31 школе по всей стране.

Парламентским слушаниям предшествовала также серия круглых столов

по данной тематике, организованных IWPR в регионах Кыргызстана.

Как отметила в интервью IWPR Председатель Временной депутатской комиссии Гульжамал Султаналиева, парламентарии ставят целью сохранить конституционные права ребенка на бесплатное образование. Виду коммерциализации системы образования, произошедшей со времен обретения независимости, зачатку осуществить это право для детей из малообеспеченных семей становится весьма проблематичным.

По статистике более 40 тысяч детей в Кыргызстане не посещают школу. Эту цифру в 2009 году огласил центр изучения общественного мнения «Эл-Пикир», который при поддержке ЮНИСЕФ провел исследование в школах республики. По неофициальным данным НПО, детей, не обучающихся в школах, в три раза больше.

Согласно Национальному исследованию по детской бедности и неравенствам Института стратегического анализа и оценки при Президенте совместно с ЮНИСЕФ, доступ к дошкольному образованию имеют лишь 11% детей в Кыргызстане.

В Министерстве образования и науки КР отметили, что только в Бишкеке не хватает 20 школ, а в провинции эта цифра больше в несколько раз.

В Управлении дошкольного, школьного и внешкольного образования Министерства образования и науки КР сказали, что школы в Бишкеке переполнены, в среднем, на 30-50%, в результате чего в отдельных школах столицы занятия ведутся в три смены.

Эксперты указывают на то, что нехватка школ - далеко не единственная причина, по которой тысячи детей в Кыргызстане оказываются не охваченными системой образования.

СКОЛЬКО СТОИТ БЕСПЛАТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Одной из таких причин эксперты называют нарушения Конституции страны и Закона КР «Об образовании», которые гарантируют бесплатное начальное и среднее образование. В реальности обучение ребенка в школе бывает очень дорогим.

По данным исследования правозащитного НПО «Лига защитников прав ребенка», вступительные взносы при пос-

туплении в школу колеблются от 200 сомов (\$4,5) до 20 тысяч сомов (\$454) в зависимости от статуса школы.

После зачисления родители вносят уже ежемесячную плату, которая колеблется от 100 сомов (\$2,3) до 600 долларов. Эти данные по итогам собственного мониторинга за 2009 год привела временная депутатская Комиссия по изучению реализации и соблюдению законодательства КР в области прав детей на образование. Такие взносы характерны для городских школ и ряда школ в регионах.

Как отмечают специалисты, рост расходов на обучение и содержание детей в образовательных учреждениях сказался, прежде всего, на малообеспеченных семьях. Размер среднемесячной заработной платы по Кыргызстану в 2009 году, по данным Национального статистического комитета, составил 6009 сомов (\$136), а в столице - 8777 сомов (\$199).

«Раньше мы платили каждый год за ремонт школы, а теперь еще и сдаем на ремонт класса. Еще каждый месяц приходится сдавать на тряпки, ведра и прочую утварь для класса. Мне приходится работать на двух работах, чтобы оплатить обучение. На это уходит почти треть зарплаты», - сказала IWPR мать одной из учениц столичной школы.

Для легализации поборов при школах создаются Общественные фонды,

а поборы называются «благотворительными взносами». Но, по заявлениям родителей, сборы отнюдь не являются добровольными. В случае отказа ребенок подвергается давлению, вплоть до исключения из школы.

«Мне намекнули, что если мы не сможем выплачивать ежемесячные взносы, то лучше перевести ребенка в другую школу. В открытую об этом не говорят, но если захотят исключить, то найдут предлог», - сказала мать одной из учениц гимназии.

Она, как и многие другие родители, не хочет вступать в конфликт с администрацией школы, поэтому не сообщает о нарушениях в соответствующие надзорные органы. Ведь зачастую дети таких родителей подвергаются давлению.

По данным НПО «Лига защитников прав ребенка», чаще всего школьники испытывают психологическое давление со стороны учителей. Это могут быть постоянная критика, оскорбление, унижение и другие формы эмоционального насилия.

По словам школьного психолога Татьяны Молчановой, этот вид насилия является одним из наиболее распространенных и самых пагубных для развития ребенка.

ШКОЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

С первой половины 90-х годов в школах Кыргызстана введены платные образовательные услуги. Это дополнительные платные услуги во внеурочное время, а также существующие наравне с бюджетными контрактные классы, в которых школами гарантируются улучшенные условия обучения для детей.

По мнению экспертов, в кыргызстанских законах отсутствует четкое разграничение между добровольными и принудительными взносами, и это создает благоприятную почву для коррупции.

«Существующие поборы – это излишние запросы администрации школ. Объем денежных средств, которые поступают от родителей, очень большой, а расходы фактически не контролируются», - считает руководитель «Лиги защитников прав ребенка» Назгуль Турдубекова.

В свою очередь, некоторые директора считают, что сбор «добровольных

взносов» является необходимостью, так как государственных средств «ни на что не хватает».

Доля бюджетных расходов КР на сферу образования в 2010 году составила 7,2 млрд. сомов (\$164 млн.) или 3% ВВП. Как отмечают парламентарии и представители НПО, государство финансирует образование «по остаточному принципу».

«Сегодня директор [школы] стал бизнесменом. Кроме разработки учебных программ, он вынужден заботиться о финансах и следить за тем, чтобы в школе не протекали трубы», - сказала Калича Умуралиева, консультант общественного фонда «Наше право». «В нынешней ситуации нескончаемый поток финансово-хозяйственных вопросов поглощает большую часть рабочего времени руководителей средних школ», - отмечает Умуралиева.

По мнению директора столичной гимназии №62 Людмилы Байбородиной, из-за недостатка финансирования, прежде всего, страдают сами ученики. Из-за низкой заработной платы школы переживают острый дефицит кадров. Ставка начинающего учителя, по данным Минобразования и науки, - порядка двух тысяч сомов (\$45).

«У нас работает очень много пенсионеров, потому что молодые учителя не хотят идти в школу за такие маленькие деньги. Учителя тоже люди, у них есть дети, которых надо кормить. Поэтому мы выделяем деньги на доплату педагогам из родительских взносов», - сказала Байбородина.

Депутат Парламента КР, член Социал-демократической фракции Ирина Карамушкина сама в прошлом работала учителем в школе и хорошо знакома с проблемой маленьких зарплат.

«Сегодня учитель за ежедневную проверку тетрадей получает всего 15 сомов (\$0,3) в месяц. Эта мизерная плата не соответствует объему выполняемой работы», - сказала депутат, указав на то, что в среднем в каждом классе обучается до 30 человек. В Министерстве образования и науки сообщают, что в стране есть школы, где обучается до 46 человек, то есть практически в два раза выше нормы.

Государством неоднократно вводились программы дополнительного финансирования, но, по мнению экспертов, они не дали ожидаемых результатов. Одной из них стала программа поощрения «Молодой учитель». Она предусматривает дополнительную финансовую поддержку молодых педагогов с целью закрепления их в регионах республики.

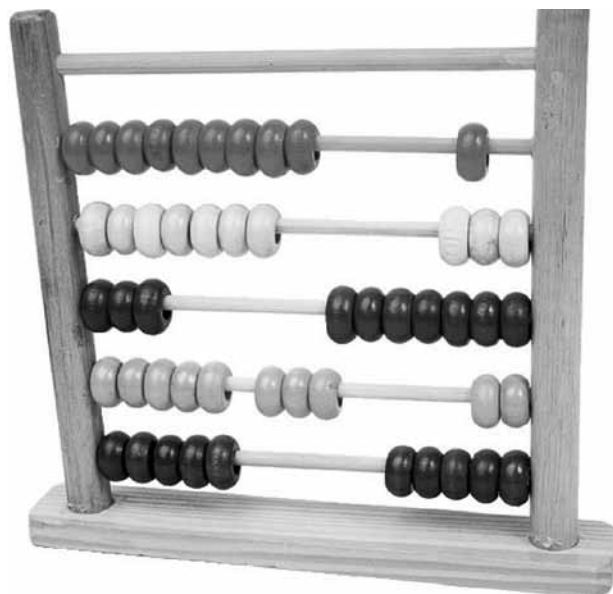
По данным Министерства образования, за четыре года ее существования в региональные школы было направлено 600 учителей.

Однако Калича Умуралиева считает, что такая господдержка не решит вопрос с недостатком педагогических кадров по стране, так как «набавки мизерные», особенно на фоне инфляции.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЕ СОВЕТЫ

Для решения проблемы незаконных поборов организации, которые защищают права детей, инициировали проект внедрения попечительских советов. Их миссия заключается в контроле бюджета школы и обеспечении прозрачности всех финансовых операций широким кругом лиц – учителями, родителями, представителями НПО и органов образования.

В некоторых школах страны такие органы уже существуют экспериментально, однако инициировать общий проект будут на парламентских слушаниях в этом году. Одна из инициаторов проекта попечительских советов - Калича Умуралиева считает, что эта мера является цивилизованным переходом образования к рыночным отношениям.

Идея попечительства является новой для Кыргызстана и поэтому вызывает споры. Противники создания новой системы говорят, что это существенно затруднит процесс расходования средств. Кроме того, попечительство помешает работе сельских школ, для которых проблема незаконных поборов, как правило, неактуальна.

«В регионах школы обеспечиваются всем необходимым из местных городских бюджетов. У нас нет необходимости привлекать дополнительную помощь со стороны родителей», - говорит Раби Чекиева, директор школы в Ысык-Атинском районе Чуйской области.

ДЕТИ-МИГРАНТЫ

Одной из наиболее уязвимых групп детей являются дети внутренних мигрантов. Они на 80% состоят из тех, кто по тем или иным причинам вынужден работать, несмотря на законодательный запрет детского труда.

Кроме того семьи мигрантов часто сталкиваются с проблемами регистрации по месту жительства. И хотя прописка не является обязательным документом при зачислении ребенка, многие директора отказывают в приеме в школу непрописанным детям.

Еще одной актуальной проблемой для детей является прохождение тестирования для зачисления в школу или при переходе из сельской школы в городскую.

В августе прошлого года министром образования и науки Кыргызстана подписан указ, запрещающий проводить тестирования при переходе из школы в школу, так как, согласно принципу равенства, городские школы не имеют преимуществ перед сельскими. Но «многие директора даже не слышали о приказе. И конечно, не исполняли его», - сказала Раби Чекиева.

В столице еще одним препятствием на пути зачисления в школу являются опять-таки вступительные взносы. В то время как «элитные» школы перегружены, многие дети не могут попасть в школу по месту жительства. Как отмечает правозащитница Назгуль Турдубекова, «элитизация» не всегда говорит о качестве образования, скорее, - это вопрос коммерциализации.

РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

По мнению экспертов, существующий сегодня низкий уровень образования

в будущем скажется на качестве специалистов, которых государство получит через несколько лет. А значит, проблемы образования скажутся в целом на социально-экономическом положении в стране.

«Государство само роет себе яму. Работать будут неграмотные специалисты, а высококвалифицированные кадры уедут из страны. Ведь здесь они не могут себя прокормить», - считает Калича Умуралиева.

По словам министра образования и науки КР Абдылды Мусаева, сегодняшняя система образования нуждается в эффективных реформах. Сейчас Министерством совместно с Временной депутатской комиссией разрабатывается поэтапная стратегия развития образования. «В одночасье реформы не делаются. То, что мы проводим сегодня, даст результаты через 5-10 лет», - заявил министр.

Назгуль Турдубекова из «Лиги защиты прав ребенка» считает, что оптимизм внушает уже то, что Министерство образования начинает активно сотрудничать с гражданским сектором для совместного решения проблем в образовании.

«Законы у нас хорошие и правильные. Но они не соблюдаются. Сейчас нам важно проследить их регулирование и исполнение. Чтобы они устраивали обе стороны: и родителей, и учителей», - сказала депутат парламента КР, член фракции Коммунистов и председатель временной Комиссии по изучению реализации и соблюдению законодательства КР в области прав детей на образование Гульжамал Султаналиева.

Эксперты указывают на то, что при школах, вынужденных привлекать дополнительные спонсорские средства, чтобы выжить, были созданы многочисленные Общественные фонды, которые аккумулируют средства, поступающие от родителей. Но, как отметила на парламентских слушаниях вице-премьер-министр Тажикан Калимбетова, это противоречит законодательству, так как школы являются госучреждением.

Счетная палата КР проверяет только средства госбюджета, таким образом, выходит, что добровольные родительские взносы никто не контролирует. В результате такой коммерциализации школ дети из малообеспеченных семей оказываются ограниченными в доступе к образованию, хотя это их конституционное право.

Как отмечают члены Временной комиссии, они намерены предложить внести изменения в законодательство с тем, чтобы разрешить, в первую очередь, именно эту проблему.

Все же прошедшие в Бишкеке парламентские слушания не смогли привлечь участников – исполнительные органы власти, Парламент, администрации школ и НПО, к единому мнению о том, что и как необходимо менять в системе для обеспечения конституционного права на доступ к образованию.

Так, например, присутствовавший на парламентских слушаниях министр образования и науки КР Абдылда Мусаев заявил: «Отдельные факты нарушений в школах имеют место быть. Но обобщать их и представлять как системное явление, характерное для всей системы образования, не стоит. Мы должны разобраться, перерегистрировать уставы школ с тем, чтобы при приеме ребенка в школу, не ограничивалось его право на доступ к образованию. Но на дворе рынок, социалистический подход – это история, и если вводить полный запрет на коммерческие образовательные услуги, как здесь предлагается, то можно будет поставить крест на системе образования».

**Евгения Ким,
Бишкек**

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

После развода женщины остаются ни с чем

Закон предоставляет всем равные права, но крайне мало женщин знают, что после развода они могут рассчитывать на имущество мужа.

«Свекровь просто-напросто выставила меня с детьми за дверь», - говорит Азиза, вспоминая, что случилось после того, как ее муж позвонил из России, чтобы сообщить, что он с ней разводится.

«Она сказала, что больше не желает видеть меня в своем доме, и чтобы я убиралась к своим родителям», - добавляет Азиза.

Как и многие женщины в Таджикистане, 24-летняя Азиза после свадьбы переехала в дом мужа. Братья ее мужа тоже жили там со своими семьями, и трения между ними возникли, когда муж Азизы в числе сотен тысяч других граждан Таджикистана отправился за границу на поиски работы.

Сначала он еще присылал домой деньги, но потом перестал, сказав, что потерял работу. После этого члены его семьи назвали Азизу «нахлебницей» и обвинили ее в том, что она сидит дома с двумя маленькими детьми вместо того, чтобы зарабатывать.

Теперь, живя с родителями, Азиза не чувствует себя там как дома, так как

трое ее братьев собираются вскоре жениться, и, как это складывается традиционно, приведут жен в дом.

Согласно законам Таджикистана, после развода мужа должны выплачивать женам алименты. К сожалению, Азиза находится в том же положении, что и многие женщины в Таджикистане – в глазах закона она никогда не была замужем. Она и ее муж поженились по мусульманским обычаям и не проходили официальную регистрацию брака. (Подробнее об этом вопросе читайте в статье Таджикистан: Брачные клятвы не всегда являются гарантом защищенности женщин, RCA № 564, 30 января 2009 года.)

Юрист Саодат Шарипова говорит, что незаконные браки часто являются причиной того, что женщины лишены любых прав на алименты или раздел совместно нажитого имущества. Однако она добавляет, что, даже имея свидетельство о регистрации брака, бывшая жена не всегда может рассчитывать на раздел имущества, так как дом принадлежит большой семье мужа, а не их семье, и жена, возмож-

но, не была прописана на этой жилплощади.

Зебо Шарифова, исполнительный директор Лиги женщин-юристов Таджикистана, говорит, что большой процент случаев, которыми занимается ее организация, составляют те, когда женщины ищут помощи с взысканием имущества после развода.

Гульнора Ахророва, директор женского кризисного центра «Бовари» при Комитете по делам женщин Таджикистана, подтверждает, что многие разведенные женщины, даже имея свидетельство о браке, не знают о своих юридических правах в достаточной степени, чтобы подать иск самостоятельно.

«После развода их с детьми безжалостно выставляют на улицу, и они безропотно подчиняются, не знают, что можно побороться, отстоять свои интересы в суде», - говорит Ахророва.

Ахророва вспоминает недавний случай с женщиной по имени Мохтоб из Яванского района на юге Таджикистана.

В отличие от многих женщин Мохтоб была замужем официально и имела троих детей на момент развода. Дом, в котором они жили, был записан на ее свекра, и родственники ее мужа дали ей ясно понять, что после развода она там оставаться не сможет.

Сейчас она живет в мечети на пожертвования от прихожан.

«Мы помогли написать ей заявление, указали инстанции, куда нужно обратиться. Предоставили адвоката, который будет защищать в суде ее интересы, - говорит Ахророва. – В случае, если проблема не решится на местном уровне, мы поможем решить её на республиканском».

Ахророва говорит, что хотя женщины из сельской местности особенно уязвимы из-за низкого уровня образования, в городах таких случаев так же немало.

«Иногда выясняется, что женщина не имеет даже паспорта и свидетельств о рождении детей, не знает, на что она имеет право в случае развода», - говорит она.

Существует также категория женщин, которые не могут считаться замужними, - это вторые или третьи жены. В постсоветское время произошел рост числа полигамных браков, заключенных по мусульманским религиозным традициям, хотя такие браки по-прежнему запрещены светским государственным законодательством страны.

Для многих женщин такие браки часто - необходимость. Гражданская война 1992-97 годов оставила вдовами около 25 тысяч женщин, а множество девушек, достигших брачного возраста, остались без экономической поддержки и социального признания. Дефицит мужчин существует и сейчас, поскольку сотни тысяч граждан Таджикистана уезжают на работу в Казахстан и Россию.

Вторая жена не имеет юридических прав на алименты, долю имущества или наследства в случае развода или смерти мужа.

Юрист Каюм Юсуфов рассказывает, что возбудить иск от лица женщины довольно трудно, если она состоит в незарегистрированном властями браке.

«В таких случаях женщине необходимо доказать, что она с мужем вела совместное хозяйство, найти свидетелей, - сказал он. - Очень сложно помочь таким женщинам, но суд прилагает все усилия для того, чтобы защитить права обездоленной или обманутой женщины и убеждает мужчину в том, что на улице осталась не бывшая жена, а мать его детей».

Юсуфов указывает, что, согласно законам Таджикистана, дети имеют равные права наследования независимо от того, рождены ли они в законном браке или нет.

Правительство Таджикистана знает о проблемах разведенных женщин и пытается их решить.

«Увеличение числа разводов заставило нас пойти на помощь женщи-

нам, которые часто после расторжения брака остаются незащищенными, - сказала 11 января на пресс-конференции глава Комитета по делам молодежи при правительстве страны Хайринисо Юсуфи. - Я очень надеюсь на поддержку президента по этому вопросу».

Юсуфи рекомендует парам подписывать добрачное соглашение как условие для заключения брака.

Большинство населения в Таджикистане исповедует суннитский ислам, помимо которого в незначительной степени представлены мусульмане-исмаилиты, христиане и приверженцы других религий. Для мусульман заключение брака, благословленное муллой - никоха, - является обычной практикой. В 2007 году власти приняли закон о запрете проведения религиозных брачных обрядов при отсутствии государственной регистрации брака.

Полагают, что новое законодательство сократило число незарегистрированных браков, но для его соблюдения следует принять меры, считает общественность. Юсуфов говорит, что необходимо оповещать людей об их правах.

«У нас сплошь и рядом наблюдаются нарушения этого закона, - говорит он. - Муллы часто идут на поводу у родителей или родственников, которые утверждают, что молодые обязательно пойдут в ЗАГС. Но происходит ли так на самом деле - никто не знает».

Член верхней палаты таджикского парламента, известный богослов Ходжи Акбар Тураджонзода вспоминает, что будучи депутатом Верховного совета в 1990-1995 гг, он внес предложение разрешить муллам регистрировать браки от имени государства, но его идея не получила поддержки.

Тураджонзода говорит, что помимо закона ислам предписывает мужчинам предоставлять достаточное обеспечение для их жен во время брака и после развода.

Он говорит, что кровные родственники невест должны убедиться, что существуют письменные гарантии имущественных прав до заключения брака.

«Если брачный договор в Европе стал широко применяться лишь чуть

более 100 лет назад, то в исламе такая практика существовала ещё 1 400 лет тому назад», - сказал он.

Даже если женщина решает стать второй женой, и не может получить официальное подтверждение брака, Тураджонзода говорит, что мусульманский закон требует, чтобы муж обеспечил жене отдельное жилье. Тураджонзода повторил, что обязанностью родственников невесты является получить от жениха письменное подтверждение о том, что его имущество отойдет к его жене и детям в случае развода или смерти главы семьи.

«Я понимаю, что на практике сегодня всё происходит по-другому, но женщине можно доказать свои права на имущество, вызвав свидетелей, которые присутствовали при их религиозном бракосочетании, и установив отцовство при наличии детей», - сказал он.

*Наргис Хамрабаева,
Душанбе*

ДЕВОЧКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ ПРОПУСКАЮТ ШКОЛУ

Финансовое бремя дополняется широко распространенным мнением, что мальчикам иметь образование важнее, чем девочкам.

Две младших дочери Хосият Наджмиддиновой могут никогда не окончить школу, так как мать считает наличие образования приоритетным только для своих сыновей.

«Если честно, детям нечего надеть в школу, - говорит мать шестерых детей из Душанбе, столицы страны. - Кроме одежды, им нужны еще и школьные принадлежности, а я не в состоянии все это им дать».

Муж Наджмиддиновой уехал на заработки в Россию, как и сотни тысяч его соотечественников. Но когда три месяца назад он перестал присылать домой деньги, его семья потеряла основную источник дохода.

Двое старших дочерей женщины, Сайера и Мафтуна, перестали ходить в школу после девятого класса - это обязательный минимальный срок базового образования в стране.

Хотя на таком этапе ребенок может бросить обучение на законном основании, девочки получают диплом о «неоконченном среднем образовании», и для получения высшего образования этих знаний недостаточно.

Двум младшим девочкам в школу еще рано, но Наджмиддинова говорит, что будет стремиться отправить в школу двух сыновей, так как именно они, а не девочки, будут в будущем зарабатывать деньги для своих семей. Сайера помогает матери по дому, а вторая дочь, Мафтуна, работает в кафе.

Ситуация в семье Наджмиддиновых является типичным примером растущей тенденции забирать девочек из школ до ее окончания из-за финансовой нагрузки или потому, что плата за их обучение не рассматривается как выгодная инвестиция на будущее.

Девочки чаще оказываются в такой ситуации, чем мальчики, особенно в сельской местности.

Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) сообщает, что на 2008 год 25% девочек покинули школы, не окончив даже девяти классов. Зачастую они бросают учебу после четвертого класса начальной школы, едва достигнув десятилетнего возраста. Данные Министерства образования за тот же год показывают, что четыре из десяти девочек, доучившихся до девятого класса, бросили учебу, не воспользовавшись возможностью проручиться еще два года.

Хотя детский труд официально запрещен в стране, девочки, бросающие школу, занимаются работой в доме, на полях, если их семья занимается сельским хозяйством, или другой работой, если они живут в городе.

В прошлом году Национальный центр образования взрослых Таджикистана провел мониторинг ситуации с детским трудом в Душанбе, в результате которого из 230 работающих детей было выявлено 80 девочек, бросивших школу раньше положенного срока.

Некоторые из них доучились только до четвертого класса, а другие никогда не ходили в школу, как сообщила Ирины Щаснович, координатор исследования. Сюда, в основном входят дети, чьи родители либо работают за границей, как сотни тысяч их соотечественников, либо являются

«внутренними мигрантами» - людьми, которые приезжают из неблагополучной сельской местности в город в поисках работы.

Согласно законодательству Таджикистана, препятствование получению детьми обязательного девятилетнего обучения уголовно наказуемо, и за последние пару лет к уголовной ответственности были привлечены родители детей, не охваченных образованием, суд приговорил их к штрафам в размере нескольких тысяч долларов.

Деньги – одна из причин, почему родители забирают детей из школ или, как Наджмиддинова, отдают сыновьям предпочтение перед дочерьми. Как указывает Щаснович, некоторые даже не записывают детей в школу.

По словам Щаснович, чтобы вернуть некоторых из этих детей в школу, результаты проведенного ею исследования были направлены в Министерство образования, а в столице был проведен семинар с заместителями директоров школ по воспитательной работе.

Несмотря на эти усилия, говорит она, «до сих пор дети, которые были в нашем списке, не охвачены образованием, хотя учителя изъявляли желание помочь».

Дилором Джаббарова, координатор проектов общественной организации «Бонувони фардо» («Будущие женщины»), говорит, что финансовое положение многих семей, включая семьи мигрантов и жителей сельской местности, значительно ухудшилось в результате продолжающегося экономического кризиса, оказывающего свое влияние на регион.

Государственное образование в Таджикистане бесплатное, однако, как указывает Джаббарова, многие семьи не могут позволить себе покупку школьной формы и всего необходимого ребенку для учебы в школе. Стоимость минимального набора для первоклассника составляет 50 долларов; при этом среднемесячная заработная плата в Таджикистане эквивалентна 60 долларам. Более половины населения страны живет за чертой бедности, установленной Всемирным банком.

Принимая во внимание трудный экономический выбор, перед которым оказываются семьи, не удивительно,

что девочки не ходят в школу, как в случае с семьей Наджмиддиновых, где мать сама забрала девочек из школы. Когда сыновья женятся, особенно в сельской местности, они остаются в семье родителей, тогда как девочки уходят в дом мужа, что означает, что в жизни семьи своих родителей они больше участия не принимают.

Гульджахон Бобосадыкова, председатель Ассоциации женщин с университетским образованием, говорит, что такой традиционный подход играет свою роль в провале любых попыток правительства и других сторон добиться для девочек получения равного доступа к образованию. «Девочек обычно воспитывают так, что главное – удачно выйти замуж, хорошо вести хозяйство, быть покорной женой и рожать детей», – говорит Бобосадыкова.

Большое число девочек, бросивших школу, говорит о том, что лишь немногие девочки получают высшее образование. Процент получающих высшее образование девушек снизился с 34% в 1991 году, когда развалился Советский Союз и Таджикистан стал независимым государством, до 29% в текущем учебном году.

С 1997 года в стране действуют квоты на получение высшего образования для девушек из дальних сельских районов. По данным Министерства образования, в текущем учебном году, начавшемся в сентябре прошлого года, в вузы страны было принято 635 девушек, что на 15% выше, чем в прошлом году. Общее число девушек, обучающихся по квоте, в настоящее время составило 4500 человек.

По словам Джаббаровой, в Таджикистане подписано несколько документов и программ, направленных на повышение роли женщины в обществе и гендерного равноправия, которые, в принципе, положительные. Проблема, однако, в том, что «они не реализуются, потому что нет конкретной структуры или органа, отвечающего именно за их практическое воплощение и контроль».

Как и многие эксперты, опрошенные для этого репортажа, Джаббарова считает, что решение проблемы лежит в общественных образовательных программах – нужно информировать девушек, их родителей и религиозных лидеров в этом преимущественно мусульманском обществе

о правах женщин и важности получения образования.

Бобосадыкова добавляет, что необходимо использовать СМИ для поднятия темы «важности и престижа» образования.

Абдулхамид Нозимов, начальник Управления высшего профессионального и последиplomного образования Министерства образования, рассказал, что специалисты из его ведомства ездят по стране с целью выявить девочек, не посещающих школу, и стремятся уговорить их вернуться в школу и воспользоваться университетскими квотами.

«Чтобы решить проблему, нужна совместная работа всех сторон, - говорит он. - К сожалению, такой координации действий, нет, хотя все вроде бы имеют единую цель».

Нозимов считает, что чиновники образовательного сектора должны работать с местными властями, прокуратурой, местными НПО и международными организациями для повышения информированности среди девочек и их родителей.

Щаснович согласна с тем, что не хватает скоординированной деятельности. «Многие организации работают в этом направлении, но каждый сам по себе, - говорит она. - А в

этом вопросе нужен единый подход и последовательная работа... Если одна организация может выявить таких детей, то другая может содействовать тому, чтобы устроить их в школу или другие образовательные курсы».

По словам Бобосадыковой, образование дает женщине шанс на более высокий уровень жизни, а также правовую защиту.

«По многолетним наблюдениям, образованные женщины менее подвержены домашнему насилию, более самостоятельны в материальном плане, - сказала она. - Плюс они очень хорошие матери».

Нафиса Писареджева, Душанбе

УЗБЕКИСТАН

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

Труд детей в Узбекистане по-прежнему считается «традиционным»

Не похоже, что более жесткое наказание за использование детского труда эффективно, поскольку чиновники бездействуют, а родители рады дополнительному доходу.

Плохая погода только радует 13-летнего Агзама, так как именно в непогоду он зарабатывает больше всего денег мытьем автомобилей.

«Лучше, когда идет дождь или снег, - машины быстрее пачкаются, - говорит он. - В день я могу заработать около пяти долларов США».

Как и многие другие дети его возраста, а также моложе, - Агзам вынужден работать, чтобы помочь скудному бюджету его семьи, хотя делает он это после учебы в школе. Его отец работает на стройке и получает не так уж и много, а мать сидит дома с младшим братом.

Проблема детского труда в Узбекистане в последние годы активно освещается в международной прессе, где была раскрыта правда о наиме несовершеннолетних для выращивания и

уборки хлопка - экспортного товара, приносящего основной доход в казну государства. В 2007 году крупнейшие импортеры из США и Европы призвали не покупать изделия из узбекского хлопка, что подтолкнуло правительство Узбекистана к действиям, и в 2008 году страна ратифицировала два международных документа - Конвенцию о наихудших формах детского труда и Конвенцию о минимальном возрасте для приема на работу.

Национальное трудовое законодательство Узбекистана запрещает трудовую деятельность несовершеннолетних до 16 лет.

Стандарты, применяемые Международной организацией труда, различают виды выполняемой детьми работы. Согласно этим стандартам, легкую работу могут выполнять дети 12-13 лет, более сложную - дети в

возрасте 14-16 лет, а виды работы, квалифицирующиеся как «опасные», запрещены для детей моложе 18 лет.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ, ЧАСТНОЕ ПОДВЕРЖДЕНИЕ

После ратификации двух конвенций и утверждения национального плана действий последовали официальные заявления о том, что практики использования детского труда больше не существует. Заявления прозвучали осенью 2008 года во время сезона уборки урожая, невзирая на то, что имелись многочисленные свидетельства очевидцев о присутствии детей на хлопкоуборочных работах. Привлечение детей на поля наблюдалось также весной, во время сезона посева хлопка. (Читайте Узбекистан: искоренить детский труд на хлопке возможно?)

Испытывая давление по этому вопросу, представители узбекского правительства говорят, что если дети и работают, то это только потому, что этого хотят их родители. В Узбекистане высокая организация хлопководства, государство диктует фермерам, в каких объемах и где выращивать эту культуру, предоставляет дополнительную рабочую силу и затем скупает урожай по цене значительно ниже ее рыночной стоимости. Эти факторы не добавляют положительных очков в глазах критиков правительства. Они указывают на то, что государственные чиновники в сфере образования до сих пор позволяют, если не поощряют, выход учеников на поля для помощи в уборке урожая, а школы даже устанавливают свои планы по производству хлопка.

Кроме того, дети продолжают выполнять взрослую работу в городах. Их можно увидеть за прилавками магазинов, прислуживающими в кафе, за чистой обувью и переносными грузы на рынках и железнодорожных станциях. Государство не играет всеобъемлющей роли в управлении этим видом экономической деятельности, но оно также ничего не делает для ее предотвращения.

Сотрудница отдела кадров одной из общественных транспортных компаний в Ташкенте называет обычным делом работу детей в качестве автобусных кондукторов.

«Конечно, все в курсе, как это спрятать? – говорит она. – Детей убирают

[с рейсов] только во время [финансовых] проверок».

Работу кондукторов обычно выполняют дети водителей автобусов, которым те платят лишь часть от зарплаты взрослого, и, конечно, минуя официальные каналы, говорит женщина, добавляя, что и сама устроила своего сына на такую работу, чтобы пополнить бюджет семьи.

«Я знаю, что мальчику слишком рано заниматься такими делами, но у нас нет другого выхода, – говорит она. – Муж уехал на заработки в Россию и за последние два года не прислал ни копейки своим детям».

Другая мать, медсестра одной из ташкентских клиник, также ссылается на бедность в качестве оправдания того, что отправляет детей работать.

«У нас в семье четверо детей, и хотя я и муж оба работаем, много заработать не получается, – говорит женщина. – Старший 15-летний сын и 14-летняя дочь тоже работают. К примеру, дочка после школы помогает санитаркам в больнице».

Гафур, чиновник из Министерства социального труда, говорит, что в Узбекистане дети традиционно помогают родителям в семейных делах.

«В Узбекистане дети всегда помогали родителям, особенно в кишлаках, – говорит он. – И в сельской местности это не воспринимается как нарушение прав ребенка, там это привычно и естественно, как для горожан естественно раз в неделю ходить с детьми в парк или кино. Также естественно это и для детей. Отчасти это часть традиционного уклада, отчасти вызвано тем, что там и заняться-то больше нечем».

СКЕПТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К НОВОЙ СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ

С 1 февраля 2010 года вступили в силу поправки,

предусматривающие штрафы в размере от 120 до 245 долларов США с родителей и нанимателей за эксплуатацию детей, которая может нанести вред их здоровью и безопасности.

Аналитики, опрошенные IWPR после того, как закон прошел через нижнюю палату парламента в ноябре прошлого года, подвергли сомнению эффективность этой меры, принимая во внимание то, что детей видели работающими на полях осенью 2009 года, несмотря на официальные запреты подобной практики. (Подробнее об этом читайте в статье Узбекистан: за эксплуатацию детей власти хотят штрафовать.)

«За что меня штрафовать? – говорит Кудрат Валиев, хозяин столовой на Ферганском базаре в Ташкенте. Его 15-летняя дочь Малика работает там за барной стойкой, а также отцу в столовой помогают двое младших детей. – За то, что я воспитываю своих детей, чтобы работы не боялись, чтобы родителям помогали? Не вижу причин, почему бы ей не работать в свободное от школы время».

Аудитор одной из ташкентских компаний сомневается в том, что введенные наказания сработают, не в последнюю очередь потому, что несовершеннолетние «работники» не фигурируют ни в каких документах.

«Ни один работодатель не примет официально на работу несовершеннолетнего, но закроет глаза, если тот будет работать без оформления и получать зарплату, минуя бухгалтерию», – сказала она.

Сурат Икрамов, глава Инициативной Группы независимых правозащитников из Ташкента, говорит, что в таких ситуациях гораздо труднее доказать, что работодатель использовал труд несовершеннолетнего, чем когда последних вывозят в больших количествах на сбор хлопка. «Если школу закрывают и насильно всех детей отправляют на поля, – это принуждение, – говорит Икрамов. – Но если несовершеннолетние добровольно работают на поле их родителей или в их собственном магазине, кафе, тогда как траکتовать? Кто расценит это как нарушение прав ребенка?».

РАБОТАЮЩИХ ДЕТЕЙ «НЕ НАДО СЧИТАТЬ», ГОВОРЯТ ЧИНОВНИКИ

Абдурахман Ташанов, сотрудник Общества прав человека «Эзгулик» («Милосердие») из Ташкента, сомневается, что законодательство против детского труда окажется работоспособным.

По его словам, в сельской местности «правительственные органы, прокуратура, правоохранительные органы сами замешаны в эксплуатации детского труда. Естественно, эти органы не могут привлечь себя к ответственности».

На практике, говорит он, «не существует ни одного механизма, который работал бы против искоренения детского труда в Узбекистане. На сегодняшний день ни государственные, ни общественные организации в стране не берутся выполнять какие-то проекты в решении этой проблемы».

Госслужащий из Министерства труда и социальной защиты, не пожелавший открыть свое имя, подтвердил, что власти не занимаются сбором данных о масштабах детского труда. «Мы даже не подсчитываем, сколько детей работает, вместо того, чтобы учиться в школе, - сказал он. – У нас считается, что раз такой проблемы не существует, так и считать не надо».

(Имена опрошенных были опущены из соображений безопасности.)

Сотрудники IWPR в Центральной Азии

Официальные органы отрицают проблему домашнего насилия

Культурные традиции приводят к тому, что женщины мирятся с жестоким обращением в семье, вместо того, чтобы добиваться справедливости через суд.

«Я долгое время не могла забеременеть, и это было основным поводом для избиения, - рассказывает 27-летняя Карамат Адылова. – Муж говорил мне, что над ними смеются родители и друзья-мужчины, потому что он женился на бесплодной».

Камарат выдали замуж против ее воли за родственника, который оказался агрессивным алкоголиком.

«Когда я забеременела и родила... он продолжал бить и издеваться. Я терпела, потому что мои родители были против развода и говорили, что если уйду от мужа, то опозорю их», - говорит женщина.

Как и многие женщины в ее положении, Адылова не знает, что ей делать.

«Обращаться в [правоохранительные] органы трудно, они, как правило, на стороне мужчины, и даже когда я писала заявление [в милицию] мне говорили, что обвинять своего мужа нехорошо», - говорит она.

Ташкентский адвокат Лайло Хамидова говорит, что домашнее насилие и страх жертв перед борьбой с ним связаны с традиционным укладом жизни, в котором женщине отводится второстепенная роль.

Даже те, кто набрались смелости и обратились в суд, рискуют. «Такое поведение жены воспринимается, как аморальное, и она подвергается публичному осуждению жителей своей махаллы», - говорит Хамидова.

В махаллах на женщин оказывается сильное общественное давление с целью получить доказательства ее слов. Дотошных расспросов друзей, соседей и даже детей жертвы после официальной подачи заявления может быть достаточно, чтобы женщина забрала заявление и не дала ему ход.

26-летняя Райхон Абдуразакова из города Бухары на западе страны молчала на протяжении четырех лет и обратилась за правовой защитой только тогда, когда после очередного избиения мужем она попала в отделение скорой помощи.

«Он издевался надо мной, бил меня и детей, - говорит она. – Мои родители запрещали говорить об этом, они сказали, что соседи будут смеяться над нами, и они от меня откажутся, если я скажу кому-нибудь или обращусь в милицию».

Пока Абдуразакова приходила в себя в больнице, другая тамошняя пациентка рассказала ей о местной организации под названием «Ойдын Нури», которая занимается предоставлением правовой помощи и оказывает психологические консультации жертвам домашнего насилия.

Тем не менее, она еще не решила, обращаться ли к ним.

Наталья Полянова, юрист из Ташкента, говорит, что женщины редко обращаются в суд со своими проблемами.

«На периферии в силу сложившихся этнокультурных особенностей [они] терпят избиения. Предать факт насилия огласке считается постыдным, и девушки боятся осуждения не только родителей супруга, но и своих родителей», - говорит Полянова.

В 1996 году Узбекистан ратифицировал Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Национальное законодательство подразумевает наказание за нападение, однако в отношении применения домашнего насилия не существует никаких правовых рамок.

Отсутствие признания проблемы домашнего насилия является настоящим препятствием, говорят эксперты.

«Такая установка, что женщина не должна выносить сор из избы и терпеть побои, исходит от государства, которое не признает наличие проблемы», - говорит Хамидова.

Помимо отсутствия правовых рамок, многие узбекские политики отрицают, что проблема домашнего насилия таковой является.

«В нашем обществе, с присущим нам уважением к женскому полу, к восприятию женщины как матери, сестры, дочери, такая проблема как домашнее насилие сходит на нет, так как мужчины всегда уважительно относятся к представителям слабого пола», - заявила IWPR Дилорам Ташмухамедова, вице-спикер нижней палаты узбекского парламента и одна из известных в стране женщин-политиков.

«Если и есть случаи домашней агрессии, то они разовые и не масштабные, мы не видим всплеска домашнего террора, как в других странах... а если это происходит, то существующие нормы закона позволяют женщинам отстаивать свои права. Поэтому

говорить о наличии этой проблемы в Узбекистане не стоит», - добавила она.

Фарида Акбарова, другая известная женщина-политик, заместитель премьер-министра страны и глава Комитета женщин Узбекистана также заявляет, что домашнее насилие не является проблемой в Узбекистане.

Неудивительно, что при существующих условиях женщины не торопятся подавать жалобы.

«Узбекские женщины, по сути, беззащитны перед произволом мужей, - говорит Хайитбой Якубов, руководитель правозащитной организации «Нажот» из Хорезмской провинции на севере страны. - Большинство из них даже не знает, что систематические избиения и унижения являются нарушением их законных прав. Они не просто не хотят пойти в милицию; по сути, они просто не знают о том, что таким образом можно защитить свои права, в том числе и право на жизнь, так как случаев со смертельным исходом достаточно много».

По словам Якубова, с начала текущего года правоохранительные органы в Хорезме зарегистрировали три случая суицида. Милиция связывает их с насилием в семьях, как психологическим, там и физическим.

Один из недавних случаев произошел с 22-летней Наргизой Оллаберггановой, которая повесилась в январе этого года. По словам Якубова, занимающегося исследованием этого случая, Оллабергганова подвергалась насилию со стороны своего мужа.

Хотя отсутствие открытой доступной информации делает сбор статистики невозможным, похоже, что смерть Наргизы Оллаберггановой не была единственным случаем.

Врачи в одной из больниц Ташкента рассказали, что недавно погибли две женщины - одна из них от разрыва печени в результате жестокого избиения мужем, которому не понравилась приготовленная еда, а другая - от травм, нанесенных ей мужем.

Сегодня в Узбекистане крайне мало НПО, занимающихся оказанием помощи жертвам домашнего насилия.

После кровавых событий мая 2005 года, когда правительственные войска расстреляли толпу протестующих

в городе Андижане, отношения Узбекистана с западными странами резко испортились. Большое количество НПО, включая организации по защите прав женщин и кризисные центры, были вынуждены свернуть свою деятельность либо из-за отсутствия финансирования, либо по причине давления со стороны правительства.

Лишь несколько отдельных правозащитников и правозащитных организаций продолжают предоставлять свои услуги на неофициальной основе.

«Все центры, которые оказывают поддержку таким женщинам, постоянно находятся под прессом, - сказал работник одного из кризисных центров в Джизакской области Узбекистана. - Официальные госструктуры относятся к такой деятельности с недоверием и считают, что мы способствуем эмансипации женщин, якобы настраиваем их против мужей. Мы объясняли, что очень многие девушки умирают от рук тиранов-мужей, но нам поясняют, что это уклад узбекских семей, и не надо приносить элементы чуждой западной культуры к нам».

Работник кризисного центра считает, что страна на самом деле нуждается в целой сети центров помощи жертвам домашнего насилия.

(Имена опрошенных были опущены из соображений безопасности.)

Бахтиер Расулов – псевдоним журналиста в Ташкенте.

БОРЕЦ ПРОТИВ СПИДА В ТЮРЬМЕ ЗА СВОИ УБЕЖДЕНИЯ

Известие о том, что психолог, занимающийся профилактикой ВИЧ/СПИДа, посажен в тюрьму, вызвало возмущение обозревателей, которые назвали это нелогичным решением.

24 февраля средства массовой информации сообщили, что Максим Попов, 28-летний психолог из Ташкента приговорен к семи годам тюрьмы и уже отбывает срок наказания в Навоийской колонии общего режима.

Согласно сообщению узбекской службы радио Озодлик RFR/RL, Максим Попов руководил неправительственной организацией «Изис», которая работала с наркопотребителями и секс-работниками в сфере борьбы с ВИЧ/СПИДом, реализовывала программу обмена игл для наркозависимых.

Веб-ресурс Ferghana сообщил, что при поддержке ЮНИСЕФ Максим Попов издал красочную книгу для молодежи, в которой рассказывалось о превентивных мерах, как уберечься от заболеваний, передающихся половым путем, о необходимости использования презервативов, а также одноразовых шприцев при употреблении наркотиков, что может снизить риск заражения.

Однако Ташкентский городской суд по уголовным делам признал книгу Попова противозаконной, привлекающей молодежь к употреблению наркотических средств и психотропных веществ, изъял у автора десять экземпляров книги и осудил его на семь лет тюрьмы.

Обозреватели, опрошенные NBCA, говорят, что осуждение человека, который информировал социально уязвимые слои общества, не поддается никакой логике.

«21 век - на волне эпидемии СПИДа, но с «узбекским менталитетом», - возмущается житель Ташкента, который уверен, что заключение в тюрьму По-

пова стоит в цепочке таких же нелепых обвинений как суд над фото- и кинодокументалистом Умидой Ахмедовой. (Читайте: Узбекистан: Умида Ахмедова в ожидании «абсурдного» обвинения)

Собеседник NBCA говорит, что власти любят употреблять словосочетание «несовместимость с менталитетом узбекского народа», и под этот слоган могут осудить любого, который, на их взгляд, пропагандирует прогрессивные идеи.

«Приговор Максиму Попову является красноречивой иллюстрацией дремучести узбекского правосудия», - сказал он.

Представитель неправительственной организации из Ташкента сказал, что информационные кампании по борьбе с ВИЧ/СПИДом, подобные тем, что пытался организовать осужденный психолог, широко применяются в соседних с Узбекистаном странах - Кыргызстане и Казахстане, где живут люди, очень схожие по своим традициям и менталитету с узбекским народом. Однако гонениям они не подвергаются.

«В соседних странах понимают, что в современном обществе без знаний о безопасности в отношении вируса иммунодефицита не обойтись», - говорит сотрудник НПО.

Врач-сексопатолог из государственной клиники, пожелавший остаться неназванным, недоумевает, зачем понадобилось властям упрятать за решетку автора профилактической книги? Медик находит такое издание «очень правильным», так как в книге дается много хороших советов.

«Абсурдно, что осудили человека, который хотел помочь людям, - делает вывод врач. - Сейчас среди молодежи Узбекистана очень распространен СПИД, у молодежи нет культуры гигиены, многие не осведомлены насчет этой болезни, в школах отсутствуют открытые предметы, где можно обсуждать эту проблему».

Елена Урлаева, представитель незарегистрированного Правозащитного Альянса Узбекистана из Ташкента называет заключение в тюрьму гражданского активиста «грубейшим» нарушением прав и свобод человека.

Во-первых, потому, что это было сделано тайно, закрытым судом, который вынес приговор еще осенью прошлого года, а известно об этом стало только сейчас. Во-вторых, подсудимый не имел возможности обжаловать этот приговор.

«Человек говорил о проблеме, боролся с ней, но власти Узбекистана этого очень не любят и заставляют всех молчать», - констатирует Урлаева.

КОММЕНТАРИЙ:

Призывы Комитета ООН по правам человека исправить ситуацию в Узбекистане напоминают глас вопиющего в пустыне

В марте Комитет ООН по правам человека рассмотрел правозащитную ситуацию в Узбекистане в рамках выполнения Международного Пакта о гражданских и политических правах. По итогам заседания было опубликовано заключение, которое авторитетная международная организация Human Rights Watch назвала «разгромным».

В резолюции Комитета ООН [<http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/hrcs98.htm>] выражается серьезная озабоченность ситуацией с продолжающимся применением пыток в Узбекистане, отсутствием свободы прессы, свободы передвижения, свободы религии, продолжающимся преследованием правозащитников, сохраняющимся в стране принудительным детским трудом. Комитет также выразил сожаление по поводу отсутствия полного независимого расследования андижанских событий.

Узбекское правительство никогда не признавало, что права человека - это огромнейшая проблема для общества, и никогда не воспринимало всерьез необходимость выполнения международных документов ООН. Власть с гордостью заявляет, что с начала [обретения] независимости [в 1991 году] было подписано более 60-ти международных документов по правам человека. Еще в 1995 году Узбекистан присоединился к шести основным правозащитным документам ООН. Однако эффект от подписанных пактов и конвенций не очень то заметен. Конвенция против применения пыток ровным счетом ничего не означает для группы милиционеров, насильовавших Райхон Соатову. Дело Райхон Соатовой, которая была изнасилована группой пьяных мили-

ционеров в мае прошлого года, ярко демонстрирует отношение власти к проблеме пыток. В январе этого года Райхон, находясь в тюремном заключении, родила ребенка, отцом которого является один из насильников. Лишь после титанических усилий правозащитников и обращения Манфреда Новака, специального докладчика ООН по пыткам, узбекская прокуратура возбудила уголовное дело об изнасиловании.

Восемь специальных тематических докладчиков ООН ждут приглашения посетить Узбекистан. С 2001 года ожидает приглашения докладчик по положению правозащитников, с 2004 – докладчик о свободе религий, с 2005 - докладчик по внесудебным и произвольным казням, с 2006 – докладчик по пыткам, с 2007 года – по современным формам рабства и против насилия в отношении женщин, с 2008 года ждут приглашения докладчики по незаконным арестам и задержаниям и по независимости судей и адвокатов.

Но, скорее всего, в ближайшие годы никакого приглашения не будет.

В 2002 году власти пригласили Тео Ван Бовена, специального докладчика ООН по пыткам; его заключение о систематическом применении пыток актуально и сейчас, спустя восемь лет. Комитет ООН неоднократно призывал высшее руководство Узбекистана публично осудить пытки, но даже такой простой жест - высказать перед народом, что пытки являются злом, - остается до сих пор невыполненным.

Нынешнее правительство панически боится любого независимого расследования, боится независимых от власти неправительственных организаций, преследует назойливых правозащитников, отправляет в тюрьмы независимых мусульман, которые не хотят видеть портрет Каримова в мечети. Если власть не признает само существование проблем, то маловероятно, что она способна их решать.

В таких условиях призывы Комитета [ООН] исправить ситуацию напоминают глас вопиющего в пустыне. Правительственная делегация Узбекистана, прибывшая в Нью-Йорк, уже в ходе дискуссии с членами Комитета дала понять, что по многим серьезным пунктам повестки дня не будет никаких изменений. Андижанские события - одна из самых болевых точек нынешнего режи-

ма, и было бы наивно полагать, что власть способна провести независимое расследование кровавой бойни 2005 года. В течение почти пяти лет власть переписывала историю тех событий, создавая свою собственную версию, от которой никогда не откажется. Комитет [ООН] призывает выплатить компенсацию жертвам андижанских событий, однако недавний арест андижанской беженки Дилором Абдукодировой, вернувшейся из Австралии в Узбекистан, демонстрирует, что всех «мятежников» на Родине ждет не компенсация, а наказание.

Тем не менее, резолюция Комитета ООН показывает, что международные наблюдатели не обманываются по поводу истинной ситуации с правами человека в Узбекистане.

К сожалению, у ООН нет никаких других механизмов давления на диктаторов, кроме как общественное порицание, поэтому для изменения ситуации необходимо последовательное давление со стороны Евросоюза и США.

Нам, правозащитникам, надо продолжать нашу работу - громко и постоянно заявлять о нарушениях прав человека. Нам нужно настаивать, чтобы международные партнеры Узбекистана в своих контактах с узбекским режимом всегда поднимали вопрос о соблюдении прав человека, нам нужно добиваться, чтобы любая гуманитарная или техническая помощь увязывалась с реальным улучшением ситуации. К примеру, одним из основных индикаторов изменения ситуации может стать освобождение четырнадцати правозащитников из узбекских тюрем. Поскольку Узбекистан входит в десятку наиболее репрессивных стран мира, наряду с такими странами-изгоями, как Бирма и Северная Корея, отношение демократических стран к действующему в стране режиму должно быть соответствующим.

Умида Ниязова,
руководитель Узбекско-германского форума по правам человека и эксперт НВСА, базирующаяся в Берлине

Гуманизация законов должна быть равномерной

Идея либерализации уголовного и процессуального законодательства должна сопровождаться становлением истинно независимого института адвокатуры и расширением полномочий защитников в судах и на всех этапах задержания.

1 марта на заседании Государственного Совета безопасности президент Гурбангулы Бердымухамедов сообщил, что предусматривается либерализация уголовно-процессуального законодательства.

В частности, предполагается ввести процедуру общественного контроля над содержанием осужденных в местах заключения, привлекать их к трудовому воспитанию. В новом Уголовном кодексе, который поручено разработать парламенту, будут сокращены максимальные сроки наказания за тяжкие уголовные преступления с 25 до 15 лет, предусмотрены наказания в виде денежных штрафов.

В числе других мер туркменский лидер высказался за усиление роли адвокатуры.

Предложенные президентом изменения уголовного и процессуального законов назрели очень давно. Туркменская система уголовных наказаний устарела и требует модернизации. Соседние центральноазиатские страны давно пошли по этому пути, смягчили наказания за тяжкие преступления, ввели штрафы за мелкие преступления, узаконили институт примирения. А в Туркменистане до сих пор за кражу курицы могут посадить в тюрьму на пять лет. В международной юридической практике за такие преступления обычно предусмотрен крупный штраф.

В либерализации нуждаются статьи, предусматривающие тюремные наказания от трех до пяти лет за хулиганство без отягчающих обстоятельств. То же относится и ко всем видам экономических преступлений.

К примеру, за хищение путем приписок [мошенничество] во время сельскохозяйственной кампании обычно применяется максимальный срок – пять лет тюрьмы. Эти нормы необходимо заменить на условное наказание или штраф.

Новый закон должен предусмотреть и более мягкое наказание за некоторые виды преступлений, если они совершаются впервые.

В мировой уголовно-процессуальной практике под такую норму попадают хищения и грабежи; преступления, совершаемые несовершеннолетними [кроме особо тяжких - убийств, разбойных нападений, изнасилований], экономические преступления, незаконное пересечение государственной границы, оскорбление представителя власти, уклонение от призыва на военную службу. Однако по туркменскому закону за эти преступления граждане получают от двух до семи лет лишения свободы независимо от обстоятельств совершения, причем практика вынесения приговоров показывает, что суды определяют наказание «по максимуму».

Критики могут возразить, что в туркменском уголовном законодательстве есть мягкие нормы, к примеру, отсрочка приговора, которая в соответствии со статьей 78 Уголовного кодекса должна применяться в отношении беременных и женщин, имеющих малолетних детей. Существует и 68 статья, предусматривающая условное осуждение. Но, к сожалению, мониторинг приговоров, проведенных нашей Ассоциацией, показывает, что с 1996 года ни одна из этих статей на практике не применялась.

Наиболее важным видится и реформирование института адвокатуры. Во-первых, необходимо предоставить соответствующие полномочия защитникам, обеспечить подследственных законной защитой на всех этапах задержания.

Для этого надо сначала принять новый Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», упразднив бывший советский аналог от 1970 года, который применяется на практике в Туркменистане.

Согласно этому ветхому законодательству, адвокаты в нашей стране не имеют реальных прав. У них нет права на доступ к задержанному до предъявления ему официальной санкции на арест, что широко применяется во всех странах. Известны случаи, когда арестованные на десять суток по подозрению в каком-либо преступлении находились в органах предварительного задержания без официального оформления. По отношению к таким задержанным применяется физическое и психологическое давление с целью выбивания признательных показаний. Если не удастся достичь желаемых результатов, «подозреваемый» подвергается административному аресту на пятнадцать суток за «мелкое хулиганство» или якобы «за оказание сопротивления работнику правоохранительных органов». Все это время подозреваемый остается один на один с государственной карательной машиной.

Во-вторых, адвокатам нужно предоставить такие же полномочия, как и обвинительной стороне. Проблема туркменской судебной системы в том, что, начиная с 1995 года не было

вынесено ни одного оправдательно-го приговора. Суды настроены лишь на доказательство вины подсудимого и не принимают во внимание ходатайства адвокатов.

В-третьих, адвокат, должен иметь право проводить собственное расследование, как это практикуется во всех демократических странах. Необходимо также законодательно закрепить такое понятие как «свидетель защиты».

Следственные органы во время предварительного расследования добывают доказательства виновности подозреваемого, а адвокат должен иметь право искать факты невиновности своего подзащитного, находить свидетелей и беседовать с ними.

Пока на деле все происходит по-другому. Если становится известно, что адвокат до судебного процесса встречался и беседовал со свидетелем – его просто отстраняют от участия в суде.

Тимур Мисриханов,
руководитель Ассоциации независимых адвокатов Туркменистана и эксперт NBCA, базирующийся в Нидерландах.

Комментарий: Не замечая безработных, власти нарушают их права

Несмотря на законодательную возможность получения официально-го статуса и социального пособия в Туркменистане, фактически местные безработные лишены этого, поскольку в стране не признается наличие безработицы и отсутствуют механизмы финансирования фондов занятости.

Туркменские власти, заявив о рыночных преобразованиях, должны четко осознавать, что структурная перестройка экономики, которая связана с возникновением новых форм трудовых отношений, повле-

чет за собой резкое увеличение количества безработных. Это связано с модернизацией форм собственности предприятий, оптимизацией штатов и вынужденным высвобождением работников.

По данным официальной статистики, которые закрыты для публикации, около пяти процентов трудоспособного населения Туркменистана не имеют постоянной работы. Однако независимый анализ позволяет утверждать, что количество безработных в стране в полтора-два раза больше и по примерным расчетам может составлять около 240 тысяч человек.

В настоящее время в поисках рабочих мест находятся уволенные по сокращению штата работники, выпускники учебных заведений, внутренние мигранты, специалисты, желающие поменять место работы по разным причинам, демобилизованные из армии. Наблюдения показывают, что эти люди из-за отсутствия постоянного дохода имеют крайне низкий уровень жизни и ограниченный доступ к медицинским услугам, за которые надо платить.

Однако никто из них не имеет официального статуса безработного и не получает социальное пособие, которое могло бы поддержать их, как это принято в других странах.

На первый взгляд, такое положение туркменских безработных вызывает недоумение, так как Закон «О занятости населения», принятый в 1991 году, и подзаконные акты о биржах труда содержат международные нормы, определяющие статус безработных, условия их признания и гарантируют им право на социальную защиту.

В качестве источника средств для финансирования пособий безработным законом предусмотрены обязательные отчисления от предприятий, учреждений, организаций всех форм собственности в размере около двух процентов от оплаты труда. Но де-факто закон не работает, так как он не был подкреплен конкретным механизмом его реализации.

Во-первых, до сих пор не приведено в соответствие с Законом «О занятости населения» налоговое законодательство, обязывающее работодателей производить отчисления в фонд

занятости, который правомочен выплачивать пособия безработным.

Из-за этого пробела статус безработных де-факто был изменен на статус лиц, ищущих работу, без выплаты соответствующего пособия.

Во-вторых, в течение многих лет службы занятости не осуществляли регистрацию людей, обратившихся к ним в поисках работы, что автоматически исключало даже намеки на социальные выплаты, которые полагались безработным по закону.

Позже службы занятости были ликвидированы, и их место заняли биржи труда, имеющие аналогичные задачи и занимающиеся предоставлением отчетности в органы статистики о количестве обратившихся за вакансиями, однако положение самих безработных не изменилось, они по-прежнему не имеют статуса и социальной поддержки.

Недавно президент Гурбангулы Бердымухаммедов продекларировал новую экономическую стратегию страны и интеграцию в мировое хозяйство, где основной акцент делается на человеческие ресурсы. Однако надо понимать, что таким масштабным преобразованиям будут сопутствовать и ряд негативных факторов - сокращение количества рабочих мест и рост безработицы, что является неизбежным последствием рыночных реформ. Власти должны понять, что настало время аккумулировать трудовые ресурсы, произвести точные расчеты потребности экономики в рабочей силе, определить механизмы финансирования специальных фондов по поддержке безработных.

Для этого потребуется создать единый институциональный орган по вопросам занятости населения и усовершенствовать законодательную базу с тем, чтобы граждане, ищущие работу, не оставались без средств к существованию, на которые они имеют полные права.

Аксолтан Аннагурбанова,
псевдоним экономического эксперта в Ашгабате.

Institute for war & peace reporting

48 Gray's Inn Road
London, WC1X 8LT, UK
Tel: (44 20) 7831 1030
Fax: (44 20) 7831 1050
Web: www.iwpr.net
E-mail: info@iwpr.net

Представительство IWPR в Кыргызской Республике

Кыргызская Республика,
г. Бишкек, 720017
ул. Тоголок Молдо, 18-2
Тел.: +996 312 66 44 53, 61 38 70
Факс: +996 312 61 38 70
E-mail: iwpr.kyrgyz@iwpr.net

Представительство IWPR в Республике Казахстан

Республика Казахстан,
г. Алматы, 050000
ул. Казыбекби, 50
2-ой этаж, офис 84
Тел.: +7 727 272 59 03, 272 64 21, 272 68 90
E-mail: iwpr.kazakhstan@iwpr.net

Представительство IWPR в Республике Таджикистан

Республика Таджикистан,
г. Душанбе, 734003
пр. Рудаки, 137 «Точикматлубот», 6 этаж
Тел.: +992 372 24 70 26
Тел./Факс: +992 372 24 70 51
E-mail: iwpr.tajikistan@iwpr.net